

XXXVII г.

№ 35

Выходит еженедельно (52 № в год), съ приложениемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и Н. М. СТАНЮКО-ВИЧА, 42 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 2-го сентября 1906 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

г. XXXVII

1906

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложения“ за сентябрь 1906 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1906 г. съ 32 рис. и отдѣльн. листъ съ 34 черт. выкр. въ натур. велич. и 33 рис. руководѣльныхъ работъ.

Министръ народнаго про- свѣщенія.

(Изъ записной книжки).

А. Круглова.

(Продолженіе).

IV.

Пріемъ больныхъ уже кончился, и фельдшеръ заявилъ мнѣ, что „господинъ докторъ ушли къ себѣ“.

Квартира кузена была черезъ два дома отъ больницы. Я засталъ „господина доктора“ за чаемъ въ обществѣ старика, лицомъ напоминавшаго Тургенева, и молоденькой дѣвушки, „щупленькой“ по народному выраженію.

— А, москвичъ! — воскликнулъ братъ, вскакивая. — Милости просимъ!

Мы расцѣловались, и онъ представилъ меня своимъ гостямъ.

Старикъ оказался мѣстнымъ помѣщикомъ, бывшимъ мировымъ судьей, Никодимомъ Лазаревичемъ Бутковымъ, а дѣвушка — Татьяной Романовной Соболевой, учительницей изъ сельца, гдѣ жилъ Чубаевъ.

— Мои милые гости и въ то же время пациенты, — добавилъ братъ, приглашая меня присоединиться къ нимъ и заняться „чаепитіемъ“.

— Да, мы прибыли съ немощами къ Владимиру Ивановичу, — сказалъ Бутковъ, закуривая папиросу: — ну, да мнѣ и Богъ проститъ: три четверти вѣка стукнуло, какъ и не починиться, а вотъ барышнѣ-то раненько бы!

— Ретива очень и все къ сердцу близко принимаетъ, — замѣтилъ братъ, доставая изъ шкапа стаканъ. — Я здѣсь еще недавно, а все слышу: горяча больно учительница... Не хочетъ подражать своему односельчанину.

— Не Чубаеву ли? — спросилъ я.

— Да. А ты развѣ знаешь? Ахъ, что я: вѣдь онъ, кажется, твой товарищъ по школѣ?

— Какъ же!

— Повидай его... Интересно...

— Я уже у него былъ. Если бы не внезапная болѣзнь Сатина, онъ пріѣхалъ бы къ тебѣ со мной.

— Что съ Сатинымъ? — спросилъ Бутковъ.

— Ударъ.

Среди гусей. Картина Гартмана, авт. «Нивы».

— Второй! Жаль бѣднягу... Золотое сердце...

— Я былъ бы очень радъ, если бы Чубаевъ приѣхалъ,—сказалъ братъ:—я люблю Дмитрія Прохоровича. Хорошо еще я съ нимъ и не сошелся, а онъ мнѣ нравится: дѣльный мужчина.

Я засмѣялся.

— Ты что?—спросилъ братъ.

— Вы другъ о другѣ одинаковаго мнѣнія: онъ тебя тоже зоветъ дѣльнымъ, а не болтуномъ.

— Очень приятно,—промолвилъ братъ:—похвала такого человѣка имѣетъ значеніе.

Бутковъ подтвердилъ слова брата и прибавилъ:

— Знаете, такіе люди, какъ Чубаевъ, кладъ для деревни. Онъ такъ любитъ народъ, какъ его и надо любить: безъ рисовки, безъ сентимента, не дѣлая изъ народа кумира, какъ наши интеллигентные народники, всегда теоретики. Онъ, гдѣ надо, и сдачи дастъ, и стукнетъ, говоря образно... словомъ, любить не какъ баринъ, подлаживающійся къ мужику, а какъ умный же мужикъ любитъ своего брата! Вотъ важно что!

— Вы его хорошо знаете?—спросилъ я Буткова.

— Я старожилъ здѣшній и зналъ его еще мальчикомъ. Мы съ его отцомъ почти пріятели были. Хорошій мужикъ былъ покойный.

— Вѣдь онъ офицеръ?—полувопросительно произнесъ братъ.

— Да, но изъ мужиковъ и мужикомъ остался. Онъ былъ только дѣляга, а Дмитрій Прохоровичъ по другой дорожкѣ пошелъ. Можетъ-быть, и отецъ шире хватнулъ бы, да не былъ образованнымъ человѣкомъ: писалъ даже неважно. А башка умная!

— Онъ по своему желанію отдалъ сына въ гимназію?

— Братъ мой покойный настоялъ. Прохоръ Ермолаевичъ хотѣлъ школой сельской ограничиться... Но не спорилъ, согласился скоро. Онъ боялся, что сынъ отъ деревни отобьется и уйдетъ въ чиновники. Хотя самъ и офицеръ былъ, а не любилъ чиновниковъ и къ мужикамъ тянулъ. И сынъ въ него. И хорошо это, что не ушелъ на чиновничью службу. Онъ не проигралъ, а деревня выиграла. И безъ него много баръ изъ мужиковъ. Въ этомъ все наше зло, что какъ поучился, такъ и въ чиновники, а на деревню глядѣтъ не хотятъ.

— Мы думали, что онъ въ университетъ поступить.

— Онъ насчетъ земледѣльской академіи мечталъ, но болѣзнь отца помѣшала. А тамъ старикъ умеръ, все на него легло. И хорошо повелъ, хотя и молодой. Я давно его полюбилъ... славный онъ!

— Сухой только,—замѣтилъ я.

— По вѣнѣжности. Отцовское это. Правду о Мартынѣ сказалъ про Чубаева: „душевная кора у него отцовская, а что подъ корой—то материнское“. Такъ и есть. Онъ любящей души, но все у него не крикливо, просто... Это любовь, которая спокойна, какъ бы черствая, холодная, но зато прочная, долгая, точнѣе—вѣчная. Вѣдь вотъ онъ холостой остался, а почему?

— Не встрѣтилъ по сердцу, какъ онъ мнѣ отвѣтилъ.

Бутковъ мотнулъ своей красивой бородой и проговорилъ съ улыбкой:

— Встрѣтилъ, да рано и не нашелъ отвѣта. А больше полюбить ужъ не могъ. Она и слова нѣжнаго не слышала отъ него... Онъ молча полюбилъ и остался вѣрнѣ любви до конца. Не могу вамъ сказать, какъ я узналъ все, но увѣряю, что это такъ. И во всякой привязанности онъ таковъ. Вотъ онъ отдался своему дѣлу и этимъ живетъ. Сначала въ селѣ и школы не было. Онъ началъ самъ обучать ребятъ, на дому у себя. А хлопоты о школѣ повелъ толкомъ: и съ мужиками, и въ земствѣ, какъ гласный. Школа явилась. Помню я, какъ онъ завелъ продажу книгъ въ шкапикѣ у воротъ своего дома. Помѣщики многіе его на смѣхъ подыали. Молчать и продаютъ. И вотъ теперь какой складъ книжный! Онъ и земству-то подаль мысль о складѣ. Упорной энергіи у

него хоть отбавляй. Настоящій упрямый мужикъ, только хорошее это упрямство.

— Да,—вмѣшался братъ:—онъ опровергаетъ латинское изреченіе, что въ здоровомъ тѣлѣ здоровый духъ. Тѣло у него совсѣмъ не крѣпкое, а духъ богатырскій.

— Нѣтъ правилъ безъ исключенія, Владиміръ Ивановичъ.

— У него большія средства?—спросилъ я у Буткова.

— Есть деньги, но едва ли большія. Отецъ былъ хорошій хозяинъ и разводилъ свиней, куръ, снималъ дуга, огородничалъ, зашибалъ денегу, какъ говорить. Но Дмитрій Прохоровичъ вскорѣ послѣ смерти матери сократилъ все, оставивъ только въ широкомъ размѣрѣ огородничество. Да, вотъ вы называете его сухимъ, а если бы видѣли его обращеніе съ матерью, вы сразу бы поняли свою ошибку. Въ его отношеніи къ ней было столько мягкаго, нѣжнаго, что не всякій и изъ насъ на это способенъ. Ничего наиграннаго, дѣланно-почтительнаго, какъ это въ нашемъ быту зачастую... нѣтъ: такъ же просто, какъ проста и любовь его къ народу. Онъ и съ дѣтьми не такой, какъ съ нами... Спросите-ка вотъ барыню...

— Это вѣрно,—отозвалась учительница:—когда я сразу къ нему пришла, онъ поразилъ меня своей сухостью... я растерялась даже; но когда я увидѣла его въ школѣ, да еще за занятіями съ ребятами,—просто удивилась: совсѣмъ иной человѣкъ. Какъ онъ умѣетъ вести дѣло!

— Развѣ онъ самъ учитъ?

— Случается... Дѣти его любятъ и понимаютъ отлично. Каюсь: я все же какъ-то стараюсь къ нимъ подойти... даже теперь, а сначала особенно. А онъ и не старается: какъ рыба въ водѣ съ ними. Языкъ такой простой, и словно самъ такой же, какъ они.

Бутковъ перебилъ, бросая папиросу въ пепельницу:

— Посмотрѣли бы вы, какъ онъ читаетъ мужикамъ или бесѣдуетъ съ ними! Не ораторъ, нѣтъ, нѣтъ! А просто мужикъ умный, свой человѣкъ! Ему именно не надо подходить къ мужику на манеръ нашего, хотя мы тоже знаемъ мужика. Онъ свой! Но у него крѣпкая логика, убѣдительность и упорство чертовское прямо. Еще Некрасовъ сказалъ мѣтко, что мужикъ, какъ быкъ, упрямъ. Вѣрно! И Чубаевъ упрямъ. Но если часто мужикъ тупо упрямъ, то онъ умно упрямъ. Но бьетъ въ одно мѣсто, какъ будто молоткомъ въ гвоздь,—лучше этого выраженія не найду и потому его все повторяю. Если онъ заберетъ что въ голову—не отстанетъ, пока не добьется своего.

— Изъ него выйдетъ бы прекрасный агитаторъ!—смѣясь, сказалъ братъ.

— Да, если хотите,—подхватилъ Бутковъ:—онъ агитаторъ и есть! Только не агитаторъ—смутьянъ и разрушитель, но созидатель и укрѣпитель. Онъ будитъ сознаніе и ведетъ деревню къ тому, что она потомъ сама отъ себя, какъ свое слово, скажетъ то, что теперь разныя несмысленши хотятъ вложить въ уста мужика, навистывая его, какъ скворца. Онъ просвѣщаетъ мужика—вотъ что важно.

— А знаете, какъ мы его прозвали въ гимназіи?

— Какъ?

— Министромъ народнаго просвѣщенія. Собственно говоря, онъ самъ себя называлъ такъ, а мы только упростили за нимъ кличку.

Я рассказалъ, какъ это произошло.

— И онъ сдержалъ слово,—промолвилъ Бутковъ, слегка стукнувъ рукой по столу.—Я не зналъ этого... для меня новость! Стало-быть, еще вотъ когда онъ все задумалъ... молодецъ!

— Тогда. Онъ сегодня мнѣ въ этомъ признался.

— Именно министръ народнаго просвѣщенія,—повторилъ Бутковъ.—Это названіе къ нему идетъ больше, чѣмъ къ настоящему: тотъ, въ лучшемъ случаѣ, только

министръ народнаго обученія, а Чубаевъ именно просвѣщеніе! Онъ за грамоту одну не очень стоитъ. Онъ просвѣщеніе цѣнитъ. Я сейчасъ вамъ фактъ приведу.

Бутковъ досталъ папиросу, закурилъ и продолжалъ, облокотясь на столъ:

— Чубаевъ религіозенъ, но не въ смыслѣ постовъ, свѣчей и прочее. Все это онъ держитъ уже по тому одному, что онъ мужикъ, и мать это дѣлала, и духомъ онъ народу свой... Но онъ все шире понимаетъ, и вотъ онъ сталъ добиваться, чтобы мужики постъ соблюдали и жизнью, примѣрно водки въ постъ не пили. Повелъ линію... Господи! Мы всѣ давно бросили бы, потому что мы, если что не такъ—сейчасъ и махнемъ рукой: „молъ, тупъ мужикъ“. А онъ уперся, бьетъ въ точку, сто потовъ спустилъ и добился: самые рьяные пьяницы поддались! Попъ нашъ глаза выпучилъ, простите за выраженіе. Вотъ какая у него, у „министра“ нашего, упрямость умная! Нѣтъ, нашему господскому терпѣнію тутъ и тягаться нечего.

— Это такъ,—согласился братъ:—но вотъ что печально: вѣдь все съ нимъ и пропадетъ. Умри Чубаевъ, кто его дѣло поведетъ?

— Онъ уже сдѣлалъ завѣщаніе,—сказала Соболева.

— Да, но это формально, а кто можетъ его путемъ идти? Гдѣ преемникъ ему?

— Что вѣрно, то вѣрно,—со вздохомъ промолвилъ Бутковъ, вставая.—Это не первый фактъ. У насъ такъ гибнуть многія предпріятія. И въ этомъ наша бѣда: такіе люди труда, силы считаются единицами. Говорить красиво, мечтать, даже баламутить—охотниковъ много, а вести дѣло, всего себя ему отдать—и нѣтъ никого, а почему?

— Мало сильныхъ людей,—сказала дѣвушка.

— Нѣтъ, барышня, а потому, что мало людей дѣйствительно любящихъ деревню, да и вообще родину, такъ спокойно, но и такъ просто, какъ Чубаевъ. Горячо, да не прочно, много рыцарства, влюбленности, а здоровой, не картинной-то любви и нѣтъ. Эхъ, господа,—добавилъ Бутковъ, поправляя свои сѣдые волосы:—въ мірѣ вообще мало правды, простоты, искренности и неподдѣльной, невзысканной любви, какъ мало и однолюбовъ. А для такого дѣла нужны всегда однолюбы.

Онъ потеръ ладони и проговорилъ, останавливаясь передъ братомъ:

— Ну, вотъ я, на примѣръ. Почти всю жизнь прожилъ въ деревнѣ, увлекался народослуженіемъ и могу сказать, что послужилъ народу. А развѣ я пара Чубаеву? Развѣ вообще мы можемъ такъ служить? Мы увлекаемся много, но все же по-барски любимъ. Мы размѣниваемся, расходимъ много силъ въ сторону. А тутъ устоя, спокойная напряженность, шагъ въ шагъ по одной тропинкѣ къ цѣли.

— Да,—возразилъ братъ:—но вѣдь Чубаевъ съ такимъ же упорствомъ могъ и кулачить.

— Вѣрно,—согласился Бутковъ.—А, вы думаете, отчего кулаки изъ народа достигаютъ цѣли? Именно тѣми же качествами и той же спокойной энергіей. Чубаевъ, если бы не проникся высшими идеями, любовью къ деревнѣ, могъ сдѣлаться рѣзкимъ выразителемъ кулачества, капитализма. И онъ же при другихъ условіяхъ могъ сдѣлаться подвижникомъ. Вездѣ онъ принесъ бы свою устойчивую, неразмѣнную любовь, силу... всего себя отдалъ бы. Изъ такихъ людей формируются подвижники, какъ и кулаки. А мы чаще всего, такъ сказать, вездѣ любители, вотъ наше горе! Любителей много, а такихъ мало, и часто съ ними рушится дѣло... вотъ что скверно!

— Просвѣщеніе все же важно, потому что только оно двинуло и Чубаева на его путь,—замѣтила учительница.

— Конечно, ученіе—свѣтъ, давно сказано,—промолвилъ Бутковъ:—но развѣ мало просвѣщенныхъ кулаковъ? Еще самые опасные! Тутъ и натура, и многое имѣетъ

значеніе... Но надо просвѣщать... Просвѣщайте, просвѣщайте, барышня,—закончилъ старикъ, беря бобровую шапку съ окна.

— Торопитесь?—спросилъ братъ.

— Пора вообще, Владиміръ Ивановичъ, да пора и васъ оставить съ гостемъ въ родственныхъ объятіяхъ.

Онъ размѣялся и обратился къ Соболевой:

— Довезти васъ опять?

— Пожалуйста!

При прощаньи Бутковъ проговорилъ, обращаясь ко мнѣ: — Вы посѣтите еще товарища, поговорите съ нимъ... интересно!

— Да вотъ онъ, можетъ-быть, сюда пріѣдетъ самъ.

— А то мы съѣздимъ,—сказалъ братъ.

Онъ пошелъ провожать гостей.

V.

Мой двоюродный братъ не былъ однимъ изъ тѣхъ народниковъ, которые шли въ деревню по принципу, пренебрегая всѣми выгодами и часто карьерой. Онъ былъ именно дѣльнымъ работникомъ, какъ его называлъ Чубаевъ, и пошелъ въ деревню, потому что любилъ ее больше города. Онъ занималъ мѣсто врача въ Сонской городской больницѣ, когда ему случайно познакомились съ нимъ предсѣдатель Н—скаго земства предложилъ мѣсто въ Липовичкахъ.

Я не былъ съ братомъ въ очень близкой дружбѣ, но мы чувствовали, несмотря на порядочную разницу лѣтъ, симпатію другъ къ другу, вѣроятно, въ силу солидарности во взглядахъ по главнымъ вопросамъ жизни. Когда же мы въ спорѣ расходились въ чемъ нибудь, онъ шутилъ замѣчалъ:

— Будь по-твоему: старшимъ—почтеніе!

Вплоть до обѣда мы провели время въ бѣглыхъ разговорахъ, сообщая взаимно другъ другу новости объ общихъ знакомыхъ. Меня интересовалъ родной уголокъ, гдѣ я не былъ уже нѣсколько лѣтъ, а брата—московская жизнь, о которой я ему и сообщилъ тѣ интимныя подробности, какія не могутъ проникнуть въ газеты. Шутилъ спросилъ я его о барышнѣ, за которой, по слухамъ, онъ ухаживалъ въ Сонскѣ.

— Э,—отвѣтилъ онъ съ улыбкой:—я не обладаю терпѣніемъ при осадахъ крѣпостей.

— Снялъ осаду?

— Задолго до отъѣзда.

За обѣдомъ, который былъ сытенъ, но не очень вкусенъ, разговоръ какъ-то опять перешелъ на Чубаева.

— Я хочу поближе сойтись съ нимъ,—сказалъ братъ.—Вы, очевидно, его въ гимназій не поняли. И не мудрено: вы были мечтатели и фантазеры, а онъ уже и тогда стоялъ на твердой почвѣ. Бутковъ много мнѣ о немъ рассказывалъ. Поѣдемъ къ нему... Ты ко мнѣ, надѣюсь, не на два-три дня?

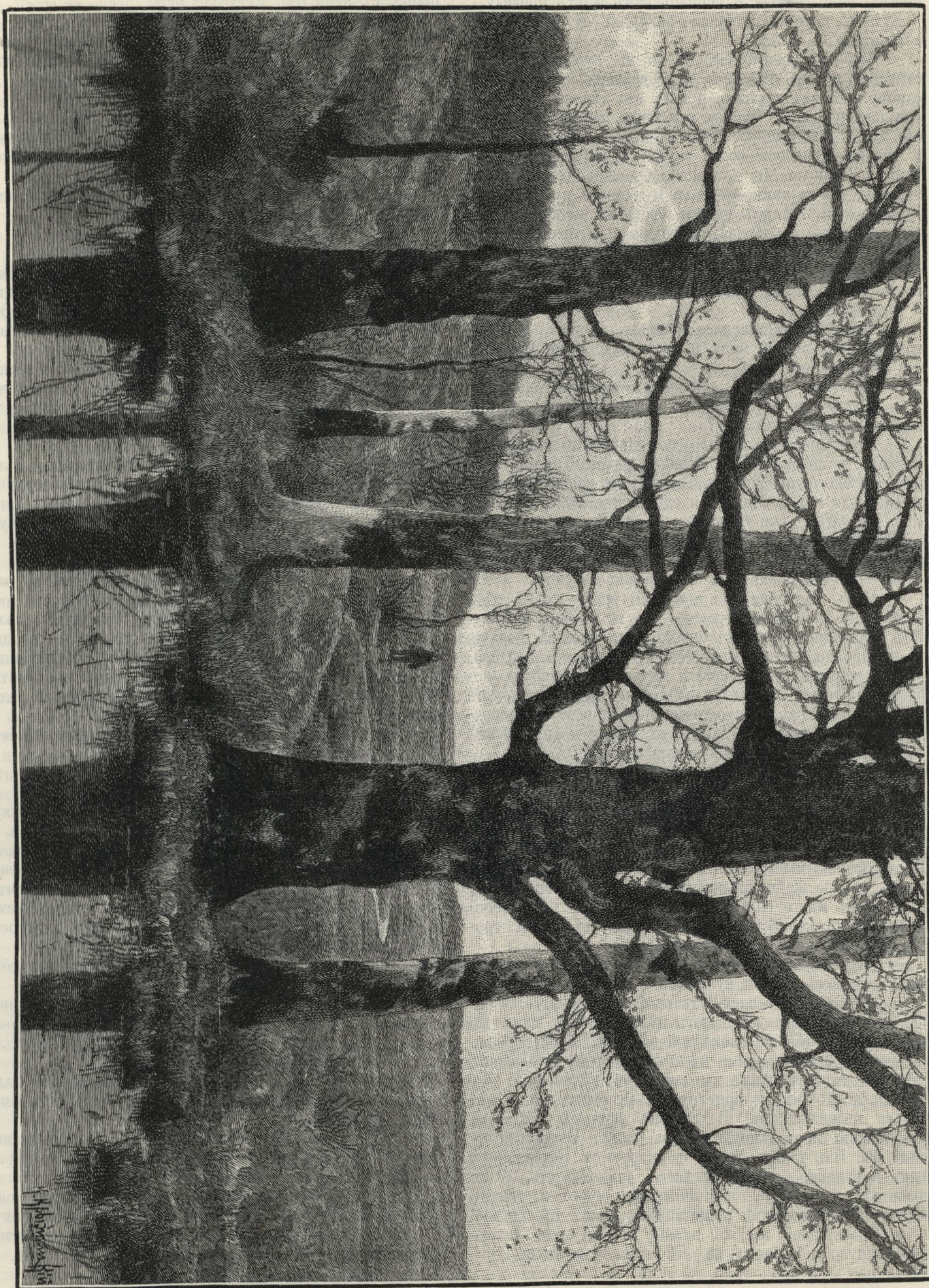
— Нѣтъ, но и не больше недѣли. Вѣдь я къ тебѣ, по правдѣ сказать, по пути: ѣду въ Питеръ.

— Благодарю и на томъ,—промолвилъ братъ шуточно, наливая мнѣ вина.—Ну, успѣемъ съѣздить, если онъ самъ не пожалуетъ ко мнѣ. А теперь не сразится ли намъ въ шахматы? Люблю этотъ турниръ!

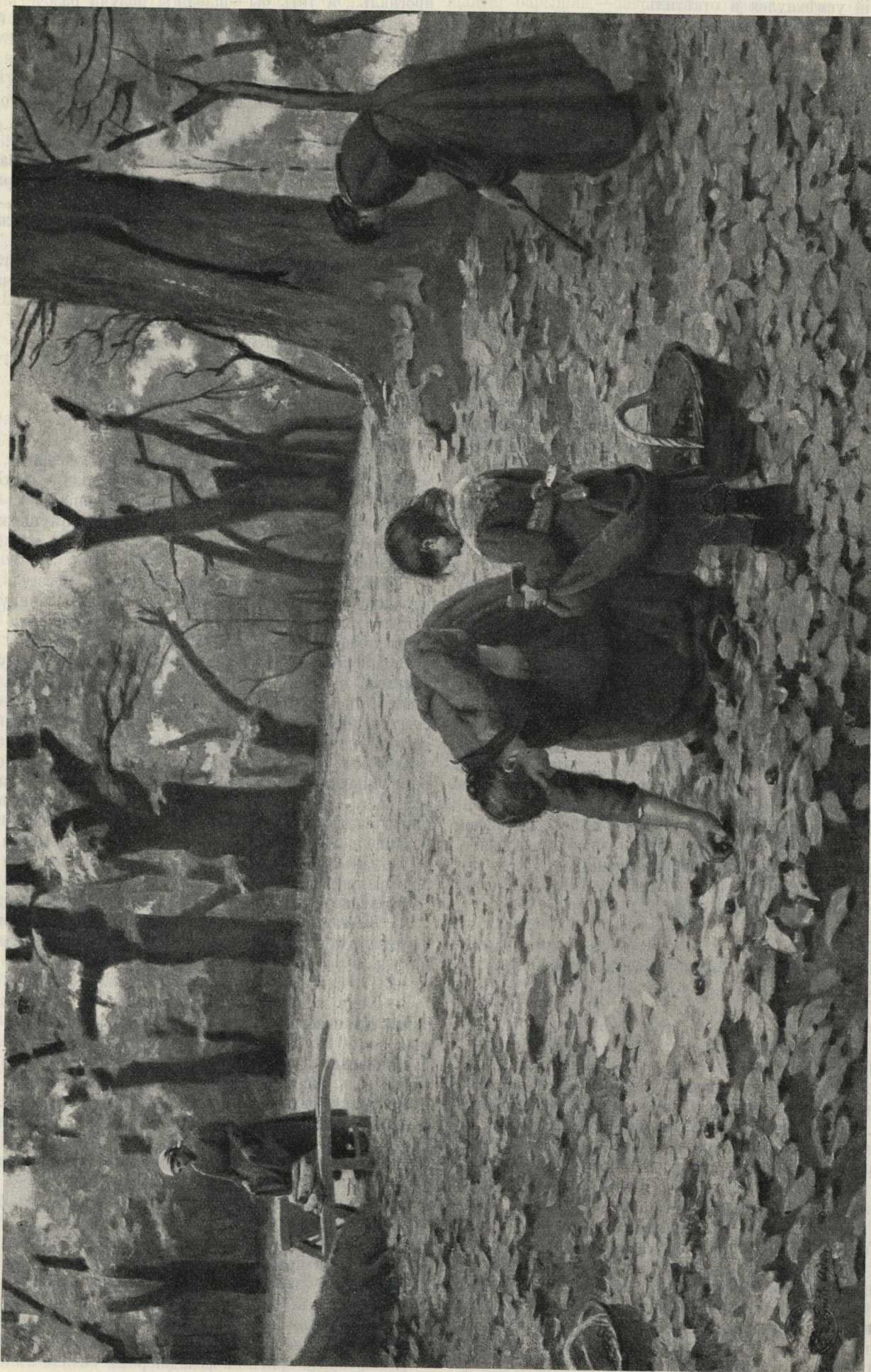
Я согласился, но турниръ не состоялся: брата позвали въ имѣніе барона Лембаха, у котораго заболѣла серьезно дочь.

— Эхъ, служба: отъ винта оторвутъ! Помнишь милѣйшаго сонскаго врача Типина? Любимая поговорка его. Ну, ты распоряжайся здѣсь, какъ дома: къ твоимъ услугамъ и Матрена, и сторожъ Арсеній. Кстати, онъ чуть ли не пріятель съ Чубаевымъ: поговори съ нимъ. А я къ ночи вернусь—не раньше, если не придется еще заночевать. Ужъ такая служба: гости въ домъ, а ты изъ дома!

Я рѣшился воспользоваться совѣтомъ брата, и когда, часа три спустя, Арсеній подаль мнѣ самоваръ, я завелъ рѣчь о Чубаевѣ.

Осень. Картина К. Крыжицкого, гравюра Шюблера.

Сборъ каштановъ. Картина Э. Адама, авт. «Нивы».

— Вѣдь ты его знаешь?

Арсеній усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Какъ не знать, коли ребятами рядышкомъ сидѣли въ школѣ!

— Въ Немировской?

— Зачѣмъ! тогда тамъ и школы-то не было. У дьякона учились мы... Сколько разъ мы колачивали Прохорыча... Слабосильный былъ всегда, а характера ухъ какого: скажетъ слово, и ты хоть изрѣжь его—не пере-мѣнить.

— Вы его не любили?

— Нѣту... чего не любить... мальчонки были, извѣстно, что понимали? Учился онъ хорошо, намъ все говорилъ: безтолочи вы... И дьяконъ намъ его въ примѣръ поставлялъ... ну, вотъ намъ и досадно было... мы его и поколотимъ... А такъ онъ и тогда былъ не злой... не жалился даже на насъ... А не затопить ли вамъ печь, какъ скажете? За ночь не выдуло бы... Владиміръ Ивановичъ велѣть топить.

— Тогда затопи.

Я сталъ пить чай. Арсеній отправился за дровами. Прошло не менѣе минутъ двадцати, прежде чѣмъ онъ вернулся съ охапкой толстыхъ березовыхъ дровъ. Онъ присѣлъ на корточки и началъ уставлятъ стоймя полѣнья въ желѣзную печь.

Я снова заговорилъ о Чубаевѣ.

— Ну, а вотъ что, Арсеній, когда Дмитрій Прохоровичъ сталъ бариномъ уже, какъ вы къ нему отнеслись?

Онъ усмѣхнулся и промолвилъ, отдирая бересту съ полѣна:

— Да мы его и за барина не сочли и по сю пору не считаемъ.

— Ну, какъ же... вѣдь отецъ офицеръ... и онъ самъ кончилъ гимназію... Конечно, баринъ!

— Да, вѣстимо, что такъ оно... А ужъ такъ, привыкли. Отецъ не бариномъ жилъ. Ходилъ, какъ мы все... самъ пахалъ, даже въ городѣ ѣздилъ сѣно и овощи, либо свиней продавать... какъ есть мужикъ одѣнется и ѣдетъ. Хозяинъ былъ такой, что поискать надо... все его уважали, а бариномъ не считали... Онъ и самъ этого не требовалъ. Да, кажись, назови его такъ—онъ бы и засмѣялся... право!

Въ печкѣ вспыхнулъ огонекъ и побѣжалъ по сухой берестѣ; пламя начало охватывать и лизать полѣнья.

— Добрыя дрова!—похвалилъ Арсеній.

— А теперь встрѣчаешься часто съ Дмитріемъ Прохоровичемъ?—спросилъ я его.

— Да-а...

— Пріятельски?

— Ничего... Въ работники къ себѣ звалъ...

— И ты что же?

— Не пошелъ...

— Отчего?..

— У него трудно жить.

— Неужели скупъ?

— Разсчитливъ, это вѣрно, хозяинъ—въ отца: зря гроша не броситъ... все на учетѣ... А скупости незамѣтно... если у кого нужда, или на дѣло какое—не отказываетъ; кормитъ сытно... и простъ со всѣми... Вона у него работница жила, да заболѣла: три мѣсяца держалъ, лечилъ и изъ договорной платы не вычелъ... другой сдѣлай это!

— Такъ ты что же не пошелъ?

— Говорю: трудно! Взыскателенъ, чтобы все въ аккуратъ: не прозѣвай, не проспи, не прогулай... если что чуть не исправно—шабашъ! Ты, скажетъ, обязанности твоихъ не знаешь, стало, ты не работникъ... уходи! У него живи въ струнѣ... А я, грѣшный человѣкъ, и выпью когда не въ мѣру, ну, и всякій случай... мало ли!

— А развѣ здѣсь все это можно?

— Владиміръ Ивановичъ не такой... онъ снисходитъ... побранилъ меня нонись за то, что я напился и день

цѣльный безъ заднихъ ногъ валялся... а простилъ, не прогналъ... А тотъ бы—шабашъ! получи расчетъ!

— Что же по твоему лучше: быть такимъ, какъ братъ, или какъ Чубаевъ?

Арсеній промолчалъ.

— Что же ты не отвѣчаешь?

Арсеній поправилъ полѣно въ печкѣ и промолвилъ неохотно:

— Извѣстно, въ хозяйствѣ нуженъ порядокъ, безъ порядка никакъ нельзя. А только прямо скажу вамъ: у барина завсегда легче служить, чѣмъ у своего брата.

— Чубаевъ вашъ братъ?

— Извѣстно, такъ: хоша и баринъ по положенью, повадка все же наша... А только я его не хаяю... какъ можно: мотрите, какъ онъ ребятъ обстроилъ... и читальню завелъ, и вообще къ нимъ хорошо, если что случится... вѣдь все деньги стоитъ. А развѣ кто его нудилъ? Самъ хочетъ. Ну, а характеръ отцовскій: сурьезный.

Арсеній поднялся съ корточекъ.

— Теперь печь хорошо будетъ топиться... ишь какъ дрова разгорѣлись...

Онъ уже уходилъ, когда я сказалъ:

— Мать Чубаева всѣ хвалятъ...

Арсеній приостановился въ дверяхъ.

— Вѣрно,—промолвилъ онъ:—такая ласковая была, что на рѣдкость... всехъ утѣшить, бывало. Прохорычъ не въ нее характеромъ, а весь въ батюшку.

И, какъ бы не то въ поясненіе, не то въ оправданіе Чубаева, прибавилъ:

— Извѣстно, мужчина!

Братъ вернулся утромъ около десяти часовъ. Переодѣвшись поспѣшно, онъ отправился въ больницу. Онъ успѣлъ только сообщить мнѣ, что дочь Лембаха заболѣла крупознымъ воспаленіемъ легкихъ.

Отъ нечего-дѣлать я пошелъ бродить по селу. Оно тянулось по обѣ стороны дороги и заворачивало къ рѣкѣ. Липовички были и больше Немировки и богаче ея: хорошія избы, точнѣе—дома, между которыми нѣсколько каменныхъ. Большая каменная, въ два этажа, церковь въ пору хоть любому городу. До желѣзной дороги Липовички были ямщицкимъ селомъ, и зажиточность его обитателей вошла въ поговорку: „живетъ, какъ липовчанинъ“. Теперь все пообѣднѣли, почему многіе большіе дома оставались безъ должнаго ремонта. Они уже—какъ бы слѣды былого величія. Но все же село еще выглядѣло не бѣднымъ.

Вернувшись съ прогулки, я засталъ брата уже дома.

— Знаешь,—сказалъ онъ:—вѣдь мнѣ опять придется сегодня ѣхать къ барону. Нужно же было такъ случиться!

— Ты будешь ѣздить каждый день?

— Хочу взять съ собой фельдшера и оставить его тамъ. Къ счастью, что въ больницѣ всего двое, и одинъ уже почти готовъ къ выпискѣ. Это случается не часто. Обыкновенно за недостаткомъ мѣстъ приходится даже отказывать. Все время такъ было, какъ я здѣсь.

— Развѣ фельдшеръ тамъ безъ тебя справится?

— На практикѣ онъ собаку съѣлъ. Но если что, онъ дастъ знать. Черезъ два дня я во всякомъ случаѣ опять съѣзжу. А Сатинъ, кажется, умретъ... Бутковъ поѣхалъ туда.

— Вѣроятно, Чубаевъ тамъ... Я его, пожалуй, больше не увижу.

— Да, ты неудачно пріѣхалъ. Не завернешь ли еще на обратномъ пути изъ Питера?

— Не могу навѣрное обѣщать. А не отправиться ли мнѣ въ Питеръ?

— Погоди до завтра... Вѣроятно, два дня я никуда отсюда не отлучусь. Проведемъ ихъ вмѣстѣ.

Послѣ обѣда братъ съ фельдшеромъ уѣхали къ барону.

На другой день вернулся одинъ фельдшеръ и привезъ отъ брата письмо. Онъ писалъ мнѣ: „Болѣзнь приняла

такое направление, что я положительно не могу оставить больницу без себя. И родители так растерялись, что умоляют меня не уезжать. Мать прямо заявила: „если вы уйдете—Люба умрет“. Умереть она может и при мнѣ, я не поручусь пока за ее выздоровление. Жаль бѣдную дѣвушку... Голубчикъ, я виноватъ передъ тобой,

безъ вины виноватъ. Что дѣлать! Если тебѣ скучно ждать меня, поѣзжай въ Питеръ и на возвратномъ пути заверни ко мнѣ. Прошу тебя“.

Я въ этотъ же день нанялъ мужика и на его Сивкѣ, запряженномъ въ розвальни, отправился на станцію.

(Продолженіе будетъ).

Юный король.

Оскара Уайльда.

Быль вечеръ наканунѣ дня, назначеннаго для его коронаціи, и юный король остался одинъ въ своей великолѣпной комнатѣ. Всѣ его придворные попросили позволенія удалиться, поклонились до земли, согласно этикету, и ушли въ большую залу дворца, чтобы получить кое-какія послѣднія указанія отъ церемоніймейстера.

Шестнадцатилѣтняго короля нисколько не огорчили ихъ уходъ. Онъ со вздохомъ облегченія бросился на мягкія подушки своей расшитой постели и лежалъ на ней, съ недвижнымъ взглядомъ и съ широко раскрытымъ ртомъ, какъ лѣсной звѣрекъ, только-что захваченный охотниками.

И правда, именно охотники нашли его; они напали на него случайно, когда онъ, полуголый, съ свирѣлью въ рукѣ, шелъ за стадомъ козъ бѣднаго пастуха, сыномъ котораго онъ всегда считалъ себя. Онъ былъ ребенокъ единственной дочери стараго короля, плодъ ея тайнаго брака съ человѣкомъ много ниже ея по происхожденію,—иностраниномъ, волшебною силой своей лютни заставившимъ принцессу полюбить себя; по словамъ другихъ, это былъ художникъ изъ Римини, котораго читала принцесса и который внезапно исчезъ, оставивъ недоконченнымъ произведение, надъ которымъ онъ работалъ въ кафедральномъ соборѣ. Всею восьмидней ребенка отняли у матери, когда она спала, и вручили на попеченіе одному крестьянину и его женѣ, не имѣвшимъ дѣтей и жившимъ въ отдаленной части лѣса. Печаль, зараза,—какъ объявилъ придворный врачъ,—или, какъ предполагали нѣкоторые, сильный итальянскій ядъ, поднесенный въ винѣ, убили скорѣе, чѣмъ черезъ часъ послѣ пробужденія, бѣдную принцессу, которая произвела его на свѣтъ; въ ту минуту, какъ вѣрный посланный, увезшій ребенка на лугъ своего сѣдла, соскочилъ со своей уставшей лошади и постучалъ въ грубую дверь пастуха, тѣло принцессы было опущено на дно ямы, вырытой на заброшенномъ кладбищѣ, далеко отъ городскихъ воротъ, въ могилу, гдѣ лежалъ уже, какъ говорили, трупъ молодого чужеземца, невыразимо прекраснаго, съ руками, связанными веревкою за спиною, и съ грудью, покрытой множествомъ ранъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывали на ухо, потихоньку. Несомнѣнно было то, что старшій король, на своемъ смертномъ ложѣ, вынужденный упреками совѣсти вспомнить свою вину, или же просто не желая, чтобы королевство перешло въ чуждыя руки, велѣлъ отыскать мальчика и въ присутствіи совѣта признать его своимъ наследникомъ.

И казалось, что съ самой минуты признанія мальчикъ обнаружилъ признаки этого страннаго вѣщенія къ красотѣ, которое должно было имѣть такое громадное вліяніе на всю его жизнь. Тѣ, кто сопровождалъ его по покоямъ, назначеннымъ ему, часто говорили о восклицаніяхъ, срывавшихся съ его губъ, когда онъ видѣлъ красивыя одежды и богатыя драгоцѣнности, приготовленныя для него, и о радости, почти дикой, съ какою онъ сбросилъ съ себя свою грубую кожаную рубашку и свой тяжелый плащъ изъ бараньей шкуры. Иногда, конечно, ему доставало прекрасной, свободной лѣсной жизни, и его раздражалъ скучный придворный церемоніалъ, занимавшій столько часовъ каждый день. Но чудесный дворецъ,—Радость было его имя,—хозяйномъ котораго онъ былъ теперь, казался ему новымъ міромъ наслажденій, созданныхъ для него, и лишь только онъ могъ вырваться изъ совѣта или изъ залы аудіенцій, онъ сбѣгалъ по большой лѣстницѣ съ золочеными бронзовыми львами и сверкающими порфировыми ступенями и бродилъ изъ залы въ залу, изъ коридора въ коридоръ, какъ бы пытаясь отыскать въ созерцаніи прекрасныхъ вещей лѣкарство отъ своихъ печалей, утѣшенія для своего выздоровленія.

Въ этихъ путешествіяхъ, какъ онъ называлъ свои прогулки по дворцу,—дѣйствительно, это было для него настоящими путешествіями въ странѣ чудесъ,—иногда его сопровождали стройные пажи со свѣтлыми волосами, въ волнующихся плащахъ, съ весело развѣвающимися лентами. Но чаще онъ ходилъ одинъ, чувствуя, такъ сказать, инстинктивно, какъ бы проникновеніемъ, что тайны искусства лучше постигаются въ одиночествѣ, и что красота, какъ и мудрость, глубже созерцаются въ уединеніи.

О мальчикѣ рассказывали удивительныя исторіи. Говорили, что одинъ толстый бургомистръ, явившійся поднести велегласный адресъ отъ своихъ согражданъ, засталъ его на колѣняхъ, въ молитвенномъ положеніи, передъ большою картиной, присланной изъ Венеціи. Другой разъ онъ пропалъ на много часовъ, и послѣ долгихъ поисковъ его нашли въ маленькой комнатѣ сѣверной башенки дворца, созерцающимъ, точно въ экстазѣ, драгоцѣнный греческій камень, изображавшій Адониса. Видѣли его осыпающимъ горячими поцѣлуями мраморный лобъ древней статуи, открытой въ руслѣ рѣки при постройкѣ моста и изображавшей,

какъ гласила подпись, вѣиинскаго раба Адриана. Онъ проводилъ цѣлыя ночи, наблюдая игру луннаго свѣта на серебряной статуй Эндиміона.

Всѣ рѣдкія и драгоцѣнныя вещи прямо-таки очаровывали его, и, въ своемъ непреоборимомъ желаніи пріобрѣсти ихъ себѣ, онъ посылалъ въ чужія земли; то—чтобы купить янтарей у суровыхъ рыбаковъ Сѣвернаго моря; то въ Египетъ—отыскать эту удивительную зеленую бирюзу, которая находится только въ могилахъ фараоновъ и которой приписываютъ магическія свойства; то въ Персію—за шелкомъ и глиняными сосудами; то въ Индію—за газомъ, слоновою костью, луннымъ камнемъ, за нефритовыми браслетами, за сандаловымъ деревомъ, за голубою эмалью и за тонкими шерстяными шальями.

Больше всего занимало его однако платье, которое онъ долженъ былъ надѣть въ день коронаціи, порфира, тканая золотомъ, и корона, осыпанная рубинами, и скипетръ, украшенный рядами жемчуга. О немъ онъ и думалъ въ этотъ вечеръ, лежа на своей великолѣпной постели и глядя на толстое сосновое полѣно, тлѣвшее въ открытомъ каминѣ. Рисунокъ, созданный самими знаменитыми художниками того времени, были представлены ему уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и онъ приказалъ работать и день и ночь, чтобы выполнить ихъ; надо было объѣздить весь свѣтъ, чтобы найти драгоцѣнности, достойныя украсить платье. Онъ мысленно видѣлъ себя стоящимъ передъ главнымъ алтаремъ кафедральнаго собора въ роскошномъ королевскомъ облаченіи; улыбка рождалась и замирала на его юныхъ устахъ и озаряла его глаза, темные какъ лѣсъ.

Помечтавъ нѣсколько минутъ, онъ поднялся съ постели и, облокотившись на рѣзной колпакъ камина, осмотрѣлся вокругъ себя. Подумавъ уже проникъ въ залу. Стѣны были покрыты богатыми коврами, изображавшими триумфъ красоты. Громадный шкапъ съ инкрустациями изъ агата и лаписъ-лазури занималъ уголъ, а лицомъ къ окну помѣщался маленькій шкапчикъ съ лакированными дверцами, усыпанными золотомъ; на немъ стояло нѣсколько тонкихъ бокаловъ изъ венеціанскаго стекла и онисовый съ темными жилками кубокъ. Блѣдныя маки были вышиты на легкомъ шелковомъ покрывалѣ постели, точно они были брошены туда рукою, разслабленною сномъ, и высокія, тонкія колонки слоновои кости поддерживали балдахинъ, надъ верхушкой котораго поднимались густые султаны страусовыхъ перьевъ, бѣлыхъ, какъ пѣна. Старинная статуя Нарцисса, зеленой бронзы, держала надъ головою зеркало. На столѣ—низенькій аметистовый кубокъ. Въ окно можно было видѣть громадный куполь собора, смутно выдѣлявшійся, какъ огромный шаръ, надъ домами, терпящимися въ тѣни. Далеко-далеко, во фруктовомъ саду пѣлъ соловей. Легкій аромат жасмина проникалъ въ открытое окно. Юноша отбросилъ со лба свои черныя кудри и, взявъ лютню, перебиралъ пальцами струны. Его вѣки закрывались, тяжелѣли, и какая-то необыкновенная слабость овладѣла имъ. Никогда до этого онъ не чувствовалъ такъ проникновенно, такъ утонченно всѣ чары красоты.

Когда башенные часы пробили полночь, онъ позвонилъ, и вошли пажи. Они съ большою церемоніей раздѣли его, полили ему на руки розовой воды и осыпали цвѣтами подушку. Почти сейчасъ же, какъ только они ушли изъ комнаты, онъ заснулъ.

И онъ видѣлъ сонъ.

Ему снилось, что онъ находится въ длинной, низенькой мансардѣ, наполненной шумомъ и стукомъ многочисленныхъ рабочихъ. Слабый утренній свѣтъ проникалъ въ рѣшетчатые окна, и при немъ видны были исхудалыя лица ткачей, склонившихся надъ своею работою. Блѣдныя, болѣзненные дѣти сидѣли на корточкахъ.

Когда челноки пролетали по основѣ, дѣти поднимали тяжелые поперечные брусья, а когда челноки останавливались, они опускали брусья и собирали нити. Лица ихъ были истощены мученіями голода, и слабыя руки ихъ дрожали. Нѣсколько женщинъ съ угрюмыми глазами сидѣли за столомъ и шили. Ужасный запахъ заражалъ всю комнату. Воздухъ былъ тяжелый и нездоровый; сыростью вѣяло отъ стѣнъ.

Юный король подошелъ къ одному изъ ткачей, остановился и сталъ смотрѣть на него.

И ткачъ поднималъ на него свои глаза, полные злобы.

—Что ты смотришь на меня? Ты шпионъ, присланный нашимъ хозяиномъ подглядывать за нами?

—Кто твой хозяинъ?—спросилъ юный король.

—Нашъ хозяинъ,—съ горечью отвѣтилъ ткачъ:—совсѣмъ такой же человѣкъ, какъ и я. Развѣ только одна разница между нами: онъ носитъ тонкое платье, а я въ лохмотьяхъ; да еще я ослабъ

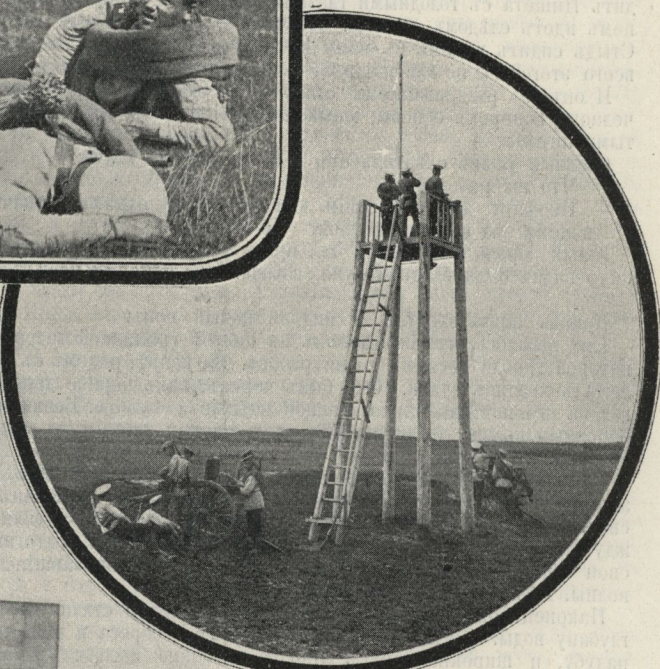
Античная идиллия. Картина Х. Дрепера, авт. «Нивы».

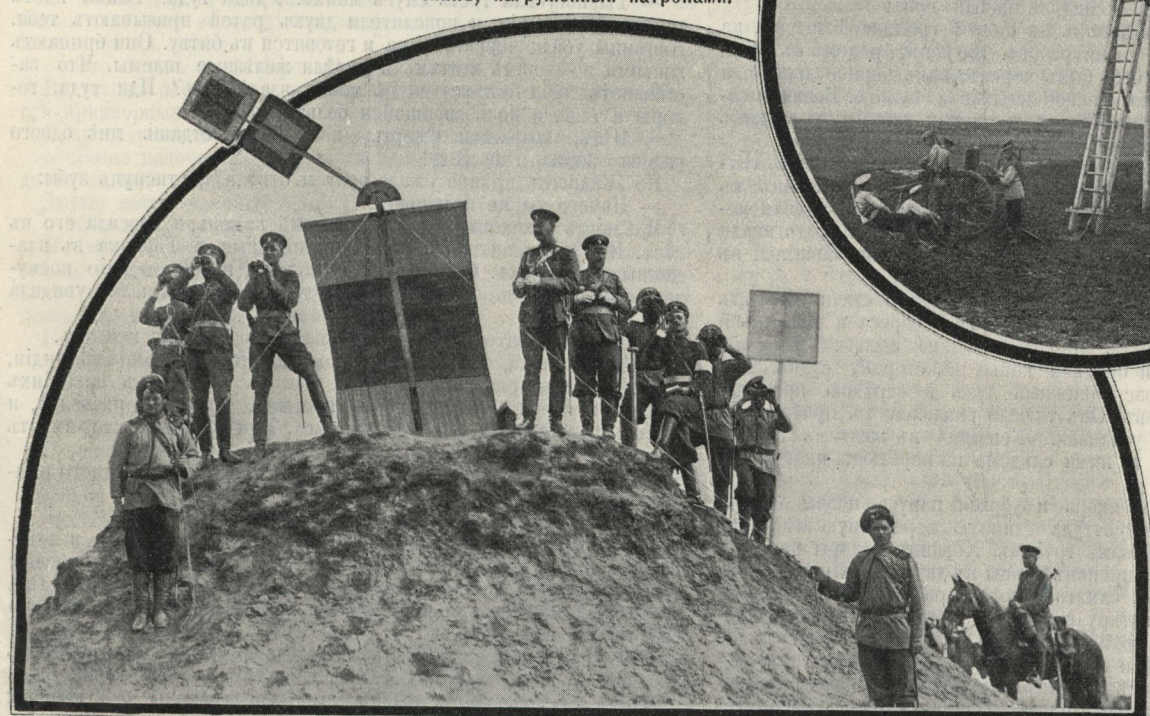
Вьючный ослик, нагруженный патронами.

Маневры въ Красномъ Селѣ.

По фот. К. К. Булла, авт. «Нивы».

На наблюдательной вышкѣ.

Сигнализація посредствомъ движущихся щитовъ.

Высочайшій объѣздъ войскъ послѣ маневровъ.

отъ того, что їды не хватаетъ, а онъ, напротивъ, хвораетъ отъ того, что слишкомъ много їсть.

— Всѣ свободны въ странѣ, — сказалъ юный король: — и никто не можетъ сдѣлать тебя своимъ рабомъ.

— На войнѣ, — возразилъ ткачъ: — сильный подчиняетъ слабого, а въ мирной странѣ — богатый бѣднаго. Мы принуждены работать, чтобы жить, а намъ даютъ такую ничтожную плату, что мы умираемъ. Мы работаемъ на хозяевъ круглый день, а они загребаютъ золото въ свои сундуки. Наши дѣти хирѣютъ и умираютъ раньше времени, и лица тѣхъ, кого мы любимъ, грубѣютъ и дурнѣютъ. Мы воздѣлываемъ винограды, а другой пьетъ вино. Мы ѣдемъ хлѣбъ, а нашъ столъ пустъ. Мы носимъ цѣпи, хотя ничей глазъ и не видитъ ихъ; мы рабы, хотя и называютъ насъ свободными людьми.

— И всѣ такъ?

— Да, и всѣ такъ! — отвѣтилъ ткачъ: — молодые и старые, женщины и мужчины, малые дѣти и старики. Купцы притѣсняютъ насъ, и мы принуждены повиноваться имъ. Никому нѣтъ дѣла до нашей участи. По нашимъ переулкамъ, лишеннымъ солнца, бродитъ Нищета съ голодными глазами, и Порокъ съ озвѣрѣлымъ лицомъ идетъ слѣдомъ за нею. Несчастье утромъ будитъ насъ, и Стыдъ сидитъ рядомъ съ нами вечеромъ. Но что тебѣ за дѣло до всего этого? Ты не изъ нашихъ, ты кажешься очень счастливымъ.

И онъ съ раздраженіемъ отвернулся отъ него и перебросилъ челнокъ поперекъ основы; юный король замѣтилъ, что ткнуть золотыми нитями.

Сильный ужасъ охватилъ его, и онъ спросилъ ткача:

— Что вы работаете?

— Порфиру для коронаціи юнаго короля! — отвѣтилъ ткачъ. — Но почему это интересно тебѣ?

Юный король вскрикнулъ и... проснулся въ своей комнатѣ; въ окно видна была блѣдная луна, плывшая по темному небу.

Король опять заснулъ и видѣлъ новый сонъ.

Ему казалось, что онъ лежалъ на палубѣ громадной галеры, на которой гребли веслами сотни рабовъ. На коврѣ, рядомъ съ нимъ, лежалъ хозяинъ судна. Онъ былъ черенъ, какъ черное дерево, и голова его повязана ярко-красной шелковой чалмою. Большія серебряныя кольца были продѣты въ мясистыя уши, и въ рукахъ онъ держалъ вѣсы.

Никакой одежды не было на рабахъ, кромѣ лохмотьевъ, служившихъ передникомъ, и каждый изъ нихъ былъ прикованъ къ своему сосѣду. Палаше солнце пекло ихъ; негры ходили между ними и стегали ихъ ремennыми плетями. Они вытягивали свои тощія руки и налегали на тяжелыя весла, вѣзавшіяся въ волны. Брызги вздымались надъ веслами.

Наконецъ они доплыли до маленькаго залива и стали измѣрять глубину воды. Легкій вѣтерокъ налетѣлъ съ берега и покрылъ и палубу, и широкій парусъ тонкою красною пылью. Три араба подскочили къ берегу и бросили коня въ сторону судна. Хозяинъ галеры взялъ раскрашенный лукъ и стрѣлою пронзилъ горло одному изъ арабовъ. Онъ тяжело свалился въ прибрежныя волны, а его товарищи ускакали. Женщина въ желтомъ покрывалѣ медленно побѣжала за ними слѣдомъ на верблюдѣ, иногда оборачиваясь къ трупу.

Лишь только бросили якорь и убрали паруса, негры опустились въ трюмъ и вынесли оттуда длинную веревочную лѣстницу съ привязаннымъ свинцовымъ грузомъ. Хозяинъ галеры перебросилъ ее черезъ бортъ, прикрѣпивъ концы къ двумъ желѣзнымъ стойкамъ. Тогда негры взяли самаго молодого раба и сняли съ него цѣпи; они старательно заткнули ему ноздри и уши воскомъ и привязали ему къ поясу тяжелый камень. Онъ съ трудомъ спустился по веревочной лѣстницѣ и исчезъ въ морѣ. Вода слегка взволновалась въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ нырнулъ. Нѣкоторые рабы съ любопытствомъ смотрѣли черезъ бортъ. На носу галеры негръ монотонно колотилъ по барабану, отгоняя акулъ.

Черезъ нѣкоторое время молодой рабъ показался изъ воды и, совсѣмъ задыхаясь, вскарабкался по лѣстницѣ, держа въ правой рукѣ жемчужину. Негры схватили жемчужину и опять отослали раба въ воду. Остальные рабы тяжело дремали надъ веслами. Снова и снова поднимался водолазъ, принося каждый разъ красивую жемчужину. Хозяинъ галеры вѣшалъ ихъ и клалъ въ мѣшочки изъ зеленой кожи.

Юный король хотѣлъ говорить, но языкъ точно прилипалъ къ нѣбу, и губы отказывались шевелиться. Негры болтали и спорили между собою о какомъ-то ожерельѣ изъ блестящихъ жемчужинъ. Двѣ птицы кружились надъ галерой.

Наконецъ водолазъ поднялся послѣдній разъ, и жемчужина, которую принесъ онъ, была прекраснѣе всѣхъ прочихъ жемчужинъ, потому что была круглѣе, какъ полная луна, и блестѣла сильнѣе утренней звѣзды. Но лицо водолаза было страшно блѣдно, и, когда онъ упалъ на палубу, кровь хлынула изъ его ноздрей и ушей. Онъ вздрогнулъ разъ, другой — и испустилъ духъ. Негры подняли его за плечи и выбросили тѣло за бортъ.

Хозяинъ галеры засмѣялся и подошелъ, чтобы взять жемчужину. Осмотрѣвъ ее, онъ приложилъ къ своему лбу и склонился. — «Эта пойдетъ на скипетръ юному королю!»

Юный король вскрикнулъ и... проснулся. Въ окно видно было, какъ сѣрые, хищные пальцы разсвѣта срывали съ неба увядшія звѣзды.

И онъ снова заснулъ и вновь видѣлъ сонъ

Онъ видѣлъ себя въ полумракѣ лѣса съ странными плодами и красивыми ядовитыми цвѣтами. Змѣи шипѣли на него, и попугаи, сверкая хохолками, съ крикомъ перелетали съ вѣтки на вѣтку. Громадная черепаха спала въ раскаленномъ пескѣ. Стаи обезьянъ и павлиновъ ютились на деревьяхъ.

Онъ шелъ, все шелъ и скоро добрался до лѣсной опушки. И тамъ онъ увидѣлъ многое множество людей, работавшихъ въ руслѣ осушенной рѣки. Они карабкались на скалы, какъ муравьи, они глубокими колодами врѣзались въ землю и спускались туда. Одни дробили скалы тяжелыми молотами, другіе разрывали песокъ. Они вырывали корни кактусовъ и топтали кроваво-красныя цвѣты. Это была непрерывная работа, и никто ни минуты не оставался празднымъ.

Смерть и Жадность изъ мрачной пещеры смотрѣли на нихъ, и Смерть сказала:

— Я устала. Дай мнѣ треть этихъ людей, чтобы мнѣ можно было уйти отсюда.

Но Жадность потрясла головою.

— Они мои слуги! — отвѣтила она.

И Смерть сказала ей:

— Что у тебя въ рукѣ?

— Три хлѣбныхъ зерна. Почему тебя интересуетъ это?

— Дай мнѣ одно, — попросила Смерть: — чтобы я могла посѣять его въ своемъ саду, только одно! И потомъ я уйду отсюда.

— Ничего я не хочу дать тебѣ! — отвѣтила Жадность и спрятала руку въ складкахъ платья.

И Смерть захохотала, взяла кубокъ и погрузила его въ воды болота, и изъ кубка вышла Лихорадка. Она прошла по толпѣ, и треть людей пала. Холодный туманъ слѣдовалъ за нею, и водяныя змѣи пресмыкались по стопамъ ея.

И когда Жадность увидѣла, что умерла третья часть людей, она стала колотить себя въ грудь и плакать; она колотила себя по неплодной груди и кричала:

— Ты погубила треть слугъ моихъ. Уходи туда! Война идетъ въ горахъ Татаріи, и повелители двухъ ратей призываютъ тебя. Афганцы убили чернаго быка и готовятся въ битву. Они бряцаютъ копьями по своимъ щитамъ и надѣли желѣзные племени. Что заставляетъ тебя оставаться въ моихъ владѣніяхъ? Иди туда, говорю я тебѣ, и не возвращайся больше сюда.

— Нѣтъ, — возражала Смерть: — пока ты не отдашь мнѣ одного ржаного зерна, я не уйду!

Но Жадность крѣпко сжала руку и отвѣтила, стиснувъ зубы:

— Ничего ты не получишь!

И Смерть захохотала и взяла черный камень, и бросила его въ лѣсъ. Изъ порослей ядовитыхъ растений вышла Горячка въ пламенныхъ одеждахъ. Она пошла по людямъ, и всѣ, до кого коснулась она, умерли. Трава, по мѣрѣ того, какъ она шла, увядала подъ ея ногами.

И Жадность затрепетала и посыпала свою голову пепломъ.

— Ты жестока, ты жестока! Голодь царитъ въ селеніяхъ Индіи, и водоемы Самарканда пересохли. Голодь царитъ въ селеніяхъ Египта, и саранча налетѣла изъ пустыни. Нилъ не разлился, и жрецы проклинаютъ Изиду и Озириса. Иди къ тѣмъ, кто имѣетъ нужду въ тебѣ, и оставь мнѣ моихъ слугъ!

— Нѣтъ, — отвѣтила Смерть: — пока ты не дашь мнѣ одного ржаного зерна, я не уйду отсюда.

— Не дамъ тебѣ ничего! — сказала Жадность.

И опять Смерть захохотала. Она свистнула въ пальцы, и летящая по воздуху женщина спустилась. На лбу ея было написано: «Я Чума». Стаи тощихъ ястребовъ металась вокругъ нея. Она накрывала долину своими крыльями, и не осталось больше ни одного живого человѣка.

И Жадность съ провзительными криками убѣжала въ лѣсъ, а Смерть вскочила на свою красную лошадь и поскакала быстрѣе вѣтра.

И изъ яла, въ концѣ долины, выползли драконы и страшныя чешуйчатыя твари; шакалы рыскали по песку, поднимая свои морды, обнюхивая вѣтеръ.

И юный король заплакалъ и сказалъ:

— Кто были эти люди и чего искали они?

— Они искали рубиновъ для короны короля! — отвѣтилъ кто-то зади него.

И юный король затрепеталъ, обернулся и увидѣлъ человѣка въ одеждѣ странника, съ зеркаломъ въ рукѣ.

И онъ поблѣднѣлъ и спросилъ:

— Какого короля?

И странникъ отвѣтилъ:

— Посмотри въ это зеркало, и ты увидишь его.

Онъ взглянулъ въ зеркало и, увидя свое собственное лицо, громко вскрикнулъ. Когда онъ проснулся, ослѣпительный свѣтъ солнца заливалъ комнату, и въ саду пѣли птички.

Въ это время къ королю входили кастелянъ и старшіе чины двора, и паки несли ему златотканную порфиру. И онъ сказалъ вельможамъ:

— Унесите всѣ эти вещи, потому что я не надѣну ихъ.

Придворные были ошеломлены; нѣкоторые стали смѣяться, думая, что это шутка.

Но онъ снова обратился къ нимъ сурово и сказалъ:

— Унесите все это, уберите прочь съ глазъ моихъ! Хотя это и дерн моего коронованія, я не надѣну ихъ. Потому что на станкѣ Скорби и блѣдными руками Сраданія соткана была эта порфира. Кровь въ сердцѣ рубиновъ и смерть въ сердцѣ жемчужины.

И онъ разскалъ имъ свои три сна.

И, выслушавъ это, придворные стали переглядываться и тихо говорить другъ другу: — «Онъ, должно-быть, помѣшался, потому что сонъ есть только сонъ, видѣніе — не что иное, какъ видѣніе. Это не дѣйствительность, на которую стоило бы обращать вниманіе. Что намъ за дѣло до жизни тѣхъ, кто работаетъ для насъ? Развѣ мы не пьемъ вино, не говоривши съ виноградаремъ, развѣ мы не ѣдимъ хлѣбъ, не видавши сѣятеля?»

И кастелянъ, обращаясь къ королю, сказалъ ему:

— Я умоляю ваше величество отогнать мрачныя мысли, надѣть эту прекрасную порфиру и возложить на голову эту корону. Какъ народъ будетъ знать, что вы король, если не будетъ на васъ знаковъ вашего сана?

Юный король посмотрѣлъ на него.

— Развѣ, — спросилъ онъ: — не признають во мнѣ короля, если не будетъ на мнѣ этихъ знаковъ?

— Народъ не признаетъ, ваше величество! — отвѣтилъ кастелянъ.

— Я думалъ, что въ самомъ человѣкѣ выражается королевское достоинство, — отвѣтилъ король: — но очень можетъ-быть, что вы и правы, а все-таки я не хочу носить это платье, я не надѣну на голову эту корону. Я хочу выйти изъ дворца такимъ, какимъ я вошелъ въ него.

И онъ отпустилъ отъ себя придворныхъ, задержавъ, для услуги, только одного молоденькаго пажъ, годомъ моложе его и бывшаго ему товарищемъ. Омывшись въ свѣжей водѣ, онъ раскрылъ большой крашеный сундукъ и вынулъ оттуда кожаную рубашку и грубый плащъ изъ бараньей шкуры, которые онъ носилъ, когда пастъ на холмѣ стадо козъ. Онъ надѣлъ ихъ на себя и взялъ въ руку толстую пастушью палку.

И маленькій пажъ раскрылъ въ удивленіи свои большіе голубые глаза и сказалъ ему съ улыбкой:

— Ваше величество, теперь у васъ порфира и скипетръ. А гдѣ же корона?

И юный король оторвать вѣтку дикой розы, вившуюся по бабкону, согнулъ ее и сдѣлалъ маленькій вѣнокъ, который и положилъ себѣ на голову.

— Это будетъ моей короной! — сказалъ онъ.

Въ такомъ нарядѣ онъ прошелъ изъ комнаты въ большую залу, гдѣ придворные ожидали его.

И придворные подошли къ нему, и нѣкоторые изъ нихъ сказали: — Ваше величество, народъ ожидаетъ увидѣть короля, а увидѣть — нищаго.

Другіе возмущались и говорили:

— Онъ позоритъ дворъ! Онъ недостойнъ быть нашимъ государемъ!

Но онъ, не отвѣчая имъ ни слова, продолжалъ свой путь, спустился по сверкающей порфировой лѣстницѣ, прошелъ бронзовыя двери и, сѣвъ на свою лошадь, отправился къ собору; маленькій пажъ бѣжалъ рядомъ съ нимъ.

И народъ смѣялся, крича:

— Это королевскій шутъ, вонъ на лошади-то! — и осыпалъ его насмѣшками.

И онъ остановилъ своего коня и сказалъ:

— Нѣтъ! Я самъ король!

И онъ разскалъ свои три сна.

Одинъ человѣкъ вышелъ изъ толпы и, обращаясь къ нему, съ горечью сказалъ:

— Развѣ ваше величество не знаете, что роскошь богатаго есть жизнь для бѣднаго? Королевскій блескъ мѣшаетъ умереть намъ, — ваши пороки даютъ намъ хлѣбъ. Тяжело работать на суроваго господина, но еще тяжелѣе — не имѣть никакого господина, на кого надо бы работать. Ужъ не думаетъ ли ваше величество, что вороны принесутъ намъ пищу? Впрочемъ, стоитъ ли и беспокоиться вамъ объ этомъ? Скажете ли вы покупщику: «Покупай по такой-то цѣнѣ»? и продавцу: «Продавай по такой-то цѣнѣ»? Я думаю, что не скажете! Вернитесь-ка во дворецъ, одѣньтесь въ свою порфиру и роскошное облаченіе! Что вы подѣлаете съ нами и съ нашими страданіями?

— Развѣ богатые и бѣдные не братья? — спросилъ юный король.

— О, да, братья, — отвѣтилъ человѣкъ: — и имя богатому — Каинъ. Глаза юнаго короля наполнились слезами, и онъ продолжалъ свой путь среди ропота толпы; молодой пажъ, поддавшись страху, оставилъ его.

И когда онъ подѣхалъ къ главнымъ дверямъ собора, солдаты скрестили свои алебарды и сказали:

— Что тебѣ нужно здѣсь? Никто, кромѣ короля, не войдетъ въ эти двери!

И его лицо загорѣлось гнѣвомъ, и онъ сказалъ имъ:

— Я король! — оттолкнулъ алебарды и прошелъ.

И когда старый епископъ увидѣлъ его въ пастушескомъ одѣяніи, онъ всталъ, пораженный, съ своего мѣста и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу ему, сказалъ:

— Сынъ мой, королевскій ли это видъ? Какою короною увѣнчаю я тебя? Какой скипетръ вложу я въ руку твою? Сегодня день твоей радости, а не день униженія!

— Принесетъ ли Радость то, что откроетъ Скорбь? — сказалъ юный король.

И онъ разскалъ епископу свои три сна.

И когда епископъ дослушалъ его, онъ насупилъ брови и сказалъ:

— Сынъ мой, я старикъ, уже на склонѣ лѣтъ своихъ, и я знаю, что много злого совершается на бѣломъ свѣтѣ. Свирѣпыя разбойники совершаютъ съ горъ набѣги и похищаютъ маленькихъ дѣтей, чтобы продать ихъ маврамъ. Львы залегаютъ въ пескахъ пустыни, чтобы подкараулить караванъ и однимъ прыжкомъ броситься на верблюда. Кабаны опустошаютъ поля въ долинахъ, и лисицы поѣдаютъ виноградъ на холмахъ. Морскіе разбойники сѣютъ ужасъ вдоль всего берега, сжигаютъ суда рыбаковъ и захватываютъ ихъ съѣсти. Въ солончакахъ обитаютъ проклятые. Ихъ жилища сплетены изъ тростника, и никто не можетъ приблизиться къ нимъ. Нищія бродятъ въ городахъ и питаются вмѣстѣ со псами. Можешь ли ты сдѣлать, чтобы ничего этого не было? Положишь ли ты проклятого рядомъ съ собою, на постель свою? Посадишь ли ты нищаго за твой столъ? Левъ смирится ли предъ тобою, и кабанъ будетъ ли послушенъ приказу твоему? Всевышній, который создалъ несчастье, не болѣе ли мудръ, чѣмъ ты? Вотъ почему я прошу тебя вернуться въ твой дворецъ, принять радостный видъ и одѣться въ нарядъ, подобающій королю. Тогда золотую короною я увѣнчаю тебя и скипетръ, украшенный жемчужнымъ, вложу въ руку твою. А что касается снова твоихъ, — забудь ихъ! Ноша міра сего слишкомъ велика для одного человѣка; страданія человечества слишкомъ тяжелы для одного сердца!

И ты говоришь это въ храмѣ! — воскликнулъ юный король и пошелъ впередъ, мимо епископа, взшелъ по ступенямъ алтаря и остановился передъ изображеніемъ Христа, держа въ рукахъ сосуды съ виномъ и миромъ. Онъ опустился на колѣни передъ изображеніемъ Христа. Пламя высокихъ подсвѣчниковъ сверкало на украшенныхъ драгоцѣнными камнями оправкахъ мощей, и дымъ кадиль тонкими синими завитками поднимался къ сводамъ. Онъ наклонилъ голову, какъ бы для молитвы, и священники въ своихъ тяжелыхъ ризахъ одинъ за другимъ оставили алтарь.

И вдругъ сильное смѣтеніе послышалось за стѣнами храма, на улицѣ, и вошли вельможи, съ обнаженными шпагами, съ развѣвающими султанами, съ щитами изъ полированной стали.

— Гдѣ этотъ толкователь сновъ? — закричали они. — Гдѣ этотъ король, нарядившійся нищимъ? Гдѣ этотъ молодой шутъ, позорящій дворъ? Мы хотимъ раздѣлаться съ нимъ, потому что онъ недостойнъ царствовать надъ нами!

И юный король снова склонилъ голову и продолжалъ молиться! а когда кончилъ молитву, поднялся, обернулся и печальнымъ взоромъ посмотрѣлъ на нихъ.

И вотъ сквозь многоцвѣтныя стекла оконъ лучи солнца озарили его и соткали ему порфиру прекраснѣе той, какая изготовлена была для коронаванія. И на его посохѣ зацвѣли лиліи, бѣлые жемчужины; на головѣ засохшая вѣтка ожила розами краснѣе рубиновъ! Бѣлые самыхъ драгоцѣнныхъ жемчужинъ были лиліи, и ихъ стебельки были блестящаго серебра. Краснѣе самыхъ прекраснѣйшихъ рубиновъ были розы, и ихъ листья — кованаго золота.

Онъ стоялъ тамъ въ облаченіи короля, и дверцы ковчеговъ съ мощами открылись, и хрусталь чаши съ Святыми Дарами засіялъ чудеснымъ, таинственнымъ свѣтомъ. Онъ былъ тамъ въ королевскомъ облаченіи, и слава Господня наполнила храмъ, и святые въ своихъ нишахъ, казалось, ожили. Въ пышномъ королевскомъ облаченіи стоялъ онъ, и раздавались громкіе звуки органа, и звучали трубы, и дѣти хора пѣли.

И народъ упалъ на колѣни, охваченный страхомъ; вельможи вложили шпаги въ ножны и воздали честь королю; епископъ побѣднѣлъ, и руки его дрожали.

— Болѣе властный, чѣмъ я, далъ тебѣ корону! — воскликнулъ онъ и упалъ на колѣни передъ нимъ.

И юный король сошелъ по ступенямъ алтаря и среди народа прошелъ во дворецъ. Но никто изъ этой толпы не осмѣлился взглянуть на лицо его, потому что оно было ликомъ ангела.

Замѣтки.

I.

Искать въ тревогахъ дня ничтожныя заботы,
Любить безумно всѣхъ, не вѣруя въ любовь, —
Все это — мишура житейской позолоты,
Все это — наша жизнь, все это — наша кровь.

II.

Холодомъ вѣетъ въ лицо, но не холодомъ смерти.
Страстно люблю я — и преданъ я небу душой.

Небо и землю, и темную мудрость измѣрьте:
Меньшее въ нихъ — это Я, высшее — Твой.

III.

Залогъ любви — залогъ страданья;
Страдать не то ли, что любить?
Одна вѣдь цѣль у мірозданья:
Жить, умереть и — снова жить.

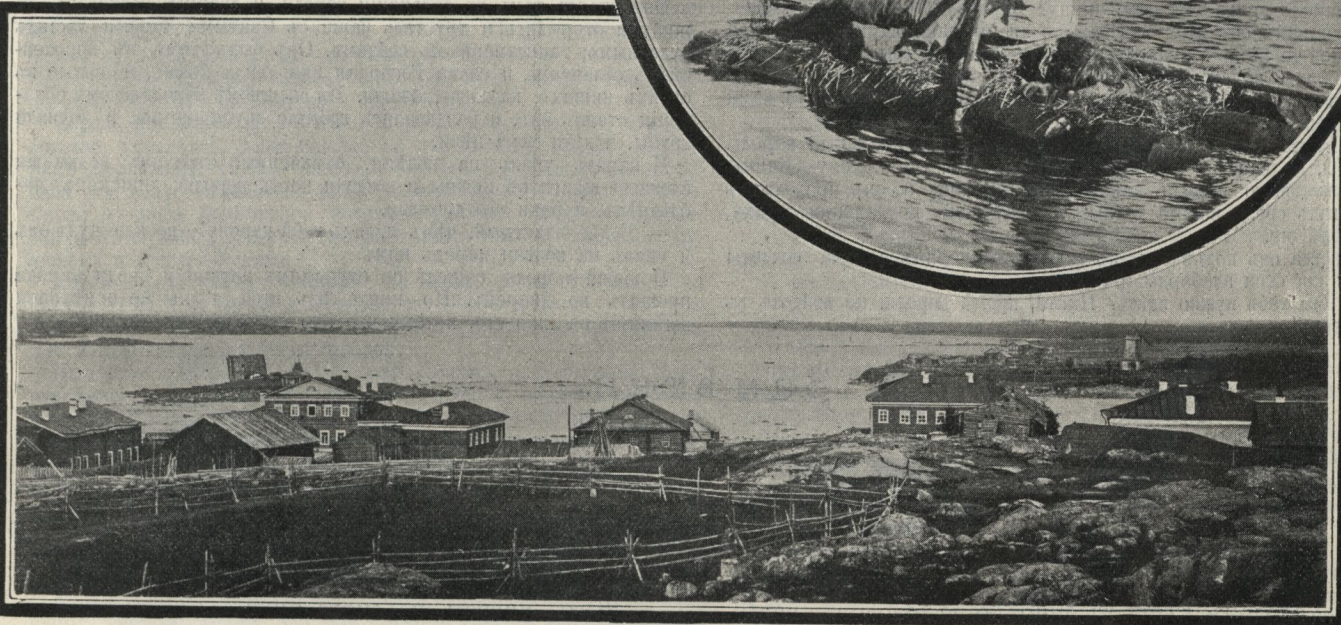
Н. Фофановъ.

Отборка жемчуга.

За добычей.

Корельское село.

Добыча жемчуга въ русской Корелии. По фот. авт. «Нивы».

Свиты Его Величества генераль-майоръ Г. А. Минъ, командиръ лейбъ - гвардіи Семеновскаго полка, убитый 13 августа с. г на вокзалѣ въ Новомъ Петергофѣ.

По фот. Гана, въ Царскомъ Селѣ.

Въ деревнѣ Луизино, близъ Новаго Петергофа. Домъ, въ которомъ, по разсказамъ, жилъ старикъ-ремесленникъ, извѣстный подъ именемъ Василя Ивановича. Изъ этого дома, какъ сообщаютъ газеты, злоумышленница Конопляникова вѣсть съ „Василіемъ Ивановичемъ“ наблюдали за находящейся невдалекѣ дачей, на которой жилъ съ семьей покойный генераль Г. А. Минъ.

Перенесеніе тѣла генерала Г. А. Мина, съ вокзала Московско - Виндаво - Рыбинской желѣзной дороги, въ церковь лейбъ - гвардіи Семеновскаго полка. Гробъ съ прахомъ почившаго выносятъ на рукахъ сослуживцы по полку.

Въ деревнѣ Луизино, близъ Новаго Петергофа. Дача, въ которой жила до совершенія преступленія убійца — З. В. Конопляникова, назвавшаяся при первомъ допросѣ Ларионовой.

Къ убійству свиты Его Величества генераль-майора Г. А. Мина, въ Новомъ Петергофѣ, 13 августа с. г.

По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

Член совѣта министра внутренних дѣлъ
Кн. Н. В. Шаховской.

Кн. П. Л. Шервашидзе, бывший членъ
Государственной Думы.

Членъ совѣта министра внутренних дѣлъ
С. А. Хвостовъ.

Погибшіе отъ взрыва на дачѣ предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина, 12 августа с. г.

Правительственное сообщеніе.

За послѣдніе два года революціонное движеніе проявляется съ чрезвычайнымъ напряженіемъ. Съ весны этого года оно особенно усилилось. Почти не проходитъ дня безъ какого-либо новаго злодѣянія. Военные мятежи въ Севастополѣ, въ Свеаборгѣ, въ Ревельскомъ портѣ и въ Кронштадтѣ, убійства должностныхъ лицъ и полицейскихъ чиновъ, нападенія и грабежи слѣдуютъ одинъ за другимъ. За одно нынѣшнее лѣто изъ числа высшихъ должностныхъ лицъ убиты: командиръ черноморскаго флота Чухнинъ, саратовскій губернаторъ Блокъ, временный варшавскій генералъ-губернаторъ, генералъ-отъ-кавалеріи Вонлярскій, помощникъ варшавскаго генералъ-губернатора по полицейской части, генералъ Маркграфскій и командиръ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка генералъ-майоръ Минъ. Независимо отъ сего, произведенъ рядъ возмутительныхъ, сопровождавшихся многочисленными жертвами, покушеній на должностныхъ лицъ, каковы, напримѣръ, покушенія въ Севастополѣ на коменданта крѣпости Неплюева и на предсѣдателя Совѣта Министровъ на Аптекарскомъ островѣ. Наконецъ полиція ежедневно терпитъ громадный уронъ убитыми и ранеными.

Преступленія эти ясно доказываютъ, что революціонныя организаціи напрягли всѣ усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать спокойной работѣ правительства, разстроить его ряды и примѣненіемъ грубаго насилія прекратить всякую работу мысли и всякую возможность созидательной жизни государства. Встревоженные этимъ населеніе и общественныя группы обращаютъ свои взоры къ правительству и ждутъ авторитетнаго заявленія какъ о причинахъ угнетающихъ общественное сознаніе злодѣяній, такъ и объ отношеніи къ нимъ государственной власти.

Въ виду этого правительство считаетъ необходимымъ заявить, что еще до роспуска Государственной Думы революціонные круги дѣятельно подготавливали, съ одной стороны, вооруженное возстаніе, которое должно было, по ихъ расчетамъ, осуществиться при помощи войска и флота, съ другой же—всеобщее аграрное движеніе, обещавшее будто бы объять всю страну. Революціонный натискъ долженъ былъ быть поддержанъ проникшими въ Государственную Думу представителями крайнихъ партій, стремившимися къ захвату исполнительной власти и превращенію Думы въ учредительное собраніе. Успѣхъ дѣла въ народѣ обезпечивался, по мнѣнію революціонеровъ, объѣздами сельскихъ мѣстностей и устной

Генер.-майоръ А. Н. За-
мятинъ (убитъ).

М. В. Яблонскій
(раненъ).

Камергеръ
А. В. Приселковъ
(раненъ).

Капитанъ Ходке-
вичъ (умеръ отъ
ранъ).

И. Т. Таточко, единственно уцѣ-
лѣвшій: по счастливой случай-
ности, вышелъ изъ пріемной ми-
нистра въ моментъ взрыва.

Пострадавшіе и погибшіе отъ взрыва, происшедшаго на дачѣ предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина, 12 августа с. г.

По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

проповѣдью неприкосновенныхъ членовъ Думы изъ сочувствовавшихъ ихъ учению. Въ то же время имѣлось въ виду путемъ всеобщей забастовки приостановить всю экономическую жизнь страны.

Послѣ роспуска Государственной Думы, быстрого подавленія кронштадтскаго и свеаборгскаго мятежей, неудачи задуманной общей забастовки и принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ аграрныхъ беспорядковъ, крайнія революціонныя группы, желая ослабить впечатлѣніе неудачи ихъ замысловъ и не допускать творческой работы правительства, рѣшили, путемъ уничтоженія высшихъ должностныхъ лицъ, произвести впечатлѣніе въ странѣ, а на правительство навести панику. Хотя такіе отдѣльные террористическіе акты знаменуютъ скорѣе безсиліе революціи въ дѣлѣ осуществленія движенія общаго, чѣмъ успѣхъ ея, но вся обстановка подобныхъ преступленій, по жестокости своей, располагаетъ общество къ смутенію и тревогѣ болѣе даже, чѣмъ длительное революціонное движеніе.

Въ чемъ при такихъ обстоятельствахъ должна заключаться обязанность правительства, и что оно должно предпринять? Отвѣтъ на это можетъ быть одинъ: цѣль и задачи правительства не могутъ мѣняться въ зависимости отъ злого умысла преступниковъ: можно убить отдѣльное лицо, но нельзя убить идеи, которую одушевлено правительство. Нельзя уничтожить волю, направленную къ восстановленію возможности жить въ странѣ и свободно трудиться.

Преступная дѣятельность несомнѣнно затрудняетъ достиженіе конечной цѣли, но такъ какъ эта цѣль не можетъ быть поставлена въ зависимости отъ явленій случайныхъ, то здравый государственный разумъ указываетъ на необходимость устранить препятствіе, напечъ всѣ силы и идти впередъ къ рѣшенію намѣченной задачи. Изъ этого ясно, что злодѣйства должны прескаться безъ колебаній, что если государство не дастъ имъ дѣйствительнаго отпора, то теряется самый смыслъ государственности. Поэтому правительство, не колеблясь, противопоставитъ насилію силу. Долгъ государства—остановить поднявшуюся къ верху волну дикаго произвола, стремящагося сблѣзать господами положеніе всеунитожжающіе противобщественные элементы. Въ видахъ борьбы съ ними мѣстнымъ властямъ даны самыя опредѣленныя указанія: за нерѣшительность по отношенію къ осудникамъ Царской воли на нихъ ляжетъ тяжелая отвѣтственность. Администрація употребитъ всѣ усилія, всѣ предоставленныя ей закономъ средства, чтобы остановить проповѣдь насилія и проявленія ея на дѣлѣ. Если разрушительной пропагандѣ удастся вызвать среди темной части населенія аграрные беспорядки, то они будутъ остановлены вооруженною силою, и отвѣтственность за жертвы ляжетъ на подстрекателей.

Наряду съ симъ правительство не могло не обратить вниманія на то, что и обыкновенное судебное производство не вполне приспособлено къ обстоятельствамъ настоящаго времени и не даетъ возможности достаточно быстрой репрессіи за преступленія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ. Поэтому признано необходимымъ издать временныя правила о военно-полевымъ судѣ для сужденія обвиняемыхъ въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи или въ положеніи чрезвычайной охраны. По этимъ правиламъ судопроизводство и приведеніе приговора въ исполненіе значительно приближаются къ моменту совершенія преступленія. Независимо отъ сего, въ виду развивающагося за послѣднее время новаго тягчайшаго вида преступленія—пропаганды въ войскахъ, изданы также временныя правила объ усиленіи наказуемости за этого рода преступленія. Такимъ образомъ болѣзнь, которую переживаетъ наше отечество, вызвала необходимость приспособленія къ ней государственнаго организма, съ цѣлью побороть зло безъ ущерба для жизнениости государства.

Всѣ эти мѣропріятія, необходимыя для обезпеченія свободы жить и трудиться, являются однако лишь средствомъ, а не цѣлью.

Они несомнѣнно поглощаютъ значительную часть времени и труда, которые были бы безъ этого посвящены производительной государственной работѣ по вопросамъ, предугазаннымъ съ высоты престола, но было бы величайшею ошибкою видѣть въ огражденіи государства отъ преступныхъ покушеній единственную задачу государственной власти, забывая о глубокихъ причинахъ, породившихъ уродливыя явленія.

Правительство не можетъ, какъ того требуютъ нѣкоторыя общественныя группы, приостановить всѣ преобразованія, приостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу съ крामолою, сосредоточившись на проявленіяхъ зла и не углубляясь въ его существо. Не соотвѣтствовало бы обстоятельствамъ и интересамъ Россіи и другое, предлагаемое противниками перваго мнѣнія, рѣшеніе: обратиться исключительно къ проведенію въ жизнь освободительныхъ реформъ, разсчитывая на то, что крामола въ этомъ случаѣ сама собою прекратится, потерявъ всякій свой смыслъ. Мнѣніе это не можетъ быть принято уже потому, что революція борется не изъ-за реформъ, проведеніе которыхъ почитаетъ своею обязанностью и правительство, а изъ-за разрушенія самой государственности, крушенія монархіи и введенія социалистическаго строя. Такимъ образомъ путь правительства ясенъ: ограждать порядокъ и рѣшительными мѣрами охранять населеніе отъ революціонныхъ проявленій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, напряженіемъ всей силы государственной идти по пути строительства, чтобы создать вновь устойчивый порядокъ, зиждущійся на законности и разумно понятой истинной свободѣ.

Обращаясь къ способамъ достиженія послѣдней цѣли, прави-

тельство сознаетъ, что передъ нимъ стоятъ вопросы разнаго порядка. Одни подлежатъ разрѣшенію Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, и по этимъ вопросамъ высшая администрація обязана подготовить вполне разработанные законопроекты, которые служили бы основаніемъ для сужденія въ законодательныхъ учрежденіяхъ. На это долженъ быть использованъ весь промежутокъ времени до созыва Государственной Думы. Другіе, по чрезвычайной неотложности своей, должны быть проведены въ жизнь немедленно. Это такіе вопросы, которые вытекаютъ изъ началъ, возвѣщенныхъ въ Высочайшихъ Манифестахъ, частичное разрѣшеніе которыхъ не можетъ связать свободы дѣйствій будущихъ законодательныхъ учреждений и направленіе которыхъ уже предрѣшено. На первомъ мѣстѣ въ ряду этихъ задачъ стоитъ вопросъ земельный и землеустроительный. Практическій починъ въ этомъ вопросѣ данъ Высочайшимъ повелѣніемъ о передачѣ крестьянскому поземельному банку удѣльныхъ оброчныхъ статей. Послѣдующими распоряженіями правительство дастъ возможность мѣстнымъ землеустроительнымъ комиссіямъ нынѣ же фактически начать устройство быта малоземельныхъ крестьянъ, какъ использованіемъ во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ земельная нужда, наличнаго земельного запаса, такъ и облегченіемъ въ этомъ отношеніи частной самодѣятельности крестьянъ. Реальная работа на мѣстахъ дастъ богатый матеріалъ будущей Государственной Думѣ въ этомъ, въ высшей степени сложномъ, вопросѣ.

Нынѣ также будутъ проведены нѣкоторые неотложныя мѣропріятія въ смыслѣ гражданскаго равноправія и свободы вѣроисповѣданія. Предполагается отменить отжившія ограниченія, стѣсненія крестьянъ и старообрядцевъ, съ опредѣленіемъ правъ послѣднихъ точными законодательными постановленіями. Равнымъ образомъ и въ области еврейскаго вопроса безотлагательно будетъ рассмотрѣно, какія ограниченія, какъ вселяющія лишь раздраженіе и явно отжившія, могутъ быть отменены немедленно и какія, какъ касающіяся существа отношеній еврейской народности къ коренному населенію, являются дѣломъ народной совѣсти, почему разрѣшеніе ихъ стѣснило бы послѣдующую работу законодательныхъ учреждений. Расширеніе сѣти народныхъ школъ, въ связи съ планомъ введенія всеобщаго обученія, и улучшеніе матеріальнаго обезпеченія народныхъ учителей уже намѣчены правительствомъ къ ближайшему осуществленію путемъ внесенія на этотъ предметъ въ смѣту будущаго года 5½ миллионъ рублей.

Насколько широка область подготовляемыхъ законопроектовъ для представленія въ будущую Государственную Думу, видно изъ того, что, независимо отъ работъ по замѣнѣ существующихъ временныхъ правилъ о собраніяхъ, союзахъ и печати постоянными законоположеніями, правительство разрабатываетъ въ настоящее время цѣлый рядъ вопросовъ первостепеннаго государственнаго значенія; важнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе:

- 1) о свободѣ вѣроисповѣданія;
- 2) о неприкосновенности личности и о гражданскомъ равноправіи, въ смыслѣ устраненія ограниченій и стѣсненій отдѣльныхъ группъ населенія;
- 3) объ улучшеніи крестьянскаго землевладѣнія;
- 4) объ улучшеніи быта рабочихъ и, въ частности, о государственномъ ихъ страхованіи;
- 5) о реформѣ мѣстнаго управленія, которое предполагается организовать такимъ образомъ, чтобы губернскія и уѣздныя административныя учрежденія были поставлены въ непосредственную связь съ преобразованными органами самоуправленія, включающими и мелкую земскую единицу;
- 6) о введеніи земскаго самоуправленія въ Прибалтійскомъ, а также Сѣверо- и Юго-западномъ краѣ;
- 7) о введеніи земскаго и городского самоуправления въ губерніяхъ Царства Польскаго;
- 8) о преобразованіи мѣстныхъ судовъ;
- 9) о реформѣ средней и высшей школы;
- 10) о подоходномъ налогѣ;
- 11) о полицейской реформѣ, направленной, между прочимъ, къ сліянію общей и жандармской полиціи;
- 12) о мѣрахъ исключительной охраны государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, съ объединеніемъ нынѣшнихъ различныхъ видовъ исключительной охраны въ одномъ законѣ.

Наконецъ, рядомъ съ этимъ, дѣятельно продолжается подготовительная работа по предстоящему, согласно Высочайшему повелѣнію, созыву всероссійскаго помѣстнаго церковнаго собора.

Поставивъ себѣ цѣлью безусловное поддержаніе и упроченіе порядка и одновременное подготовленіе и проведеніе необходимыхъ преобразованій и твердо надѣясь на успѣшность работы будущихъ сессій законодательныхъ учреждений, правительство въ правѣ разсчитывать на сочувствіе благоразумной части общества, жаждущей успокоенія, а не разрушенія и распада государства. Съ своей стороны правительство считаетъ для себя обязательнымъ не стѣснять свободно высказываемаго общественнаго мнѣнія, будь то печатнымъ словомъ или путемъ общественныхъ собраній. Но если этими способами разумнаго проявленія общественнаго сознанія воспользуются для проведенія идей революціонныхъ, то правительство, не колеблясь, должно будетъ и впредь предъявлять къ своимъ агентамъ безусловное требованіе всѣми законными мѣрами ограждать населеніе отъ обращенія орудія просвѣщенія и прогресса въ способъ пропаганды разрушенія и насилія.

Балканская неразбериха.

(Политическое обозрѣніе).

На Балканскомъ полуостровѣ начинается нѣчто въ родѣ столпотворения вавилонскаго. Самодовольная дипломатія, установившая нынѣшнее положеніе вещей, можетъ любоваться дѣломъ рукъ своихъ. Истинное благополучіе созданныхъ ею порядковъ сводится къ тому, что греки рѣжутъ купо-валаховъ и болгаръ, болгары—грековъ; въ Старой Сербіи периодически вспыхиваетъ рѣзня между арнау-тами и кореннымъ населеніемъ, въ Албаніи—между турками и по-встанцами, и вообще подъ флагомъ дипломатической тишины и спо-койствия на тронѣ вопарилась кровавая борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Стодно признаться: опорой прежнего, хотя бы относительнаго по-рядка на полуостровѣ была власть полудикихъ турокъ. Уничтоженіе ея безъ замѣны какой-нибудь національной властью сразу погрузило балканскіе народы въ настоящую анархію. Всего удивительнѣе, что самую главную роль въ устроительствѣ рѣзни и отвратительныхъ кровавыхъ расправъ надъ мирными деревнями съ иноплемennымъ населеніемъ играетъ наиболѣе культурный изъ мѣстныхъ народовъ—греки. Они предали огню и мечу цѣлый рядъ валахскихъ, серб-скихъ и болгарскихъ селеній, не останавливаясь передъ страшными звѣрствами, не пада ни дѣтей, ни женщинъ, ни стариковъ. Такой образъ дѣйствій грековъ не могъ не вызвать отпора со стороны пострадавшихъ. Въ итогѣ получается настоящая война народностей, живущихъ совмѣстно подъ однимъ и тѣмъ же государственнымъ управленіемъ.

Послѣднюю жертвою греко-болгарской распри сталъ небольшой городокъ Анхало, насчитывавшій свыше 5½ тыс. жителей, въ томъ числѣ 4½ тыс. грековъ и около тысячи болгаръ. Столкновение между ними окончилось общимъ пожаромъ, послѣ котораго уцѣлѣло едва 50 домовъ. Такъ какъ греки, кромѣ политическаго первенства, добиваются также и первенства церковнаго, то немудрено, что во главѣ панэлленизма становится греческое ду-ховенство. Главнымъ виновникомъ гибели го-рода оказался греческій епископъ, руководи-вшій четами повстанцевъ. Ожесточеніе сражаю-щихся было такъ велико, что они продол-жали стрѣлять даже въ пожарныхъ, тушившихъ ихъ дома, и въ солдатъ, защищавшихъ ихъ жизнь. Во всей Болгаріи анхалосскій погромъ вызвалъ бурю негодованія. Въ большинствѣ провинціальныхъ городовъ произошли антиг-реческіе митинги, окончившіеся, впрочемъ, мир-но, быть-можетъ, благодаря тому, что греческіе дома охранялись войсками. Въ Филиппополѣ всѣ греческія лавки и заведенія закрыты, и греки послѣдшили скрыться изъ города, недо-вѣряя предусмотрительнымъ мѣрамъ правительства, вызвавшего ко дню всеболгарскаго митинга усиленный нарядъ войскъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., въ Станимакѣ и Карно-батѣ, пользуясь паникой, охватившей греческое населеніе, болгары безъ всякаго сопротивленія и отпора занимаютъ греческія церкви. Происходитъ открытый захватъ чужой собственности «во славу Божию».

Къ удивленію всей Европы, защитницей порядка и права и за-ступницей за грековъ выступила Турція, та самая Турція, подъ эгидой которой совершались невообразимо и болгарскія, и армян-скія, и даже специально греческія избиенія (послѣднія—на островѣ Критѣ). По поводу печальныхъ событій въ Анхало она разослала всѣмъ посольствамъ циркуляръ, въ которомъ энергично протестуетъ противъ варварствъ, учиненныхъ болгарскою чернью, и предупре-ждаетъ, что не можетъ относиться равнодушно къ подобнаго рода на-силію. Человѣчеству предстоитъ серьезно призадуматься надъ тѣмъ разгуломъ племенныхъ эгоизмовъ, ужасную картину котораго мы на-блюдаемъ въ послѣднее время и на Кавказѣ и на Балканахъ. Въ то время, когда правительства великихъ державъ ведутъ переговоры о гуманизации международныхъ отношеній, учреждаютъ междуна-родные трибуналы и пр., внутри государствъ однѣ народности под-нимаются на другія и ведутъ между собою истребительную войну. Чѣмъ слабѣе сдерживающая сила правительственнаго авторитета, тѣмъ острѣе проявленія племенной розни.

Добыча жемчуга въ русской Кореліи.

(Съ 3 рис. на стр. 556).

Кто бы могъ подумать, что у насъ, въ Россіи, имѣются такіе «экзотическія» богатства, какъ «перловка жемчугоносная», или, просто выражаясь, жемчугъ, настоящий жемчугъ?

У насъ какъ-то привыкли думать, что жемчугъ водится исклю-чительно лишь въ Индіи, въ знойномъ климатѣ, въ соленой морской

водѣ. А между тѣмъ ловля жемчуга, какъ оказывается, процвѣтаетъ совсѣмъ подъ бокомъ у насъ—по сосѣдству съ Петербургской губер-ніей, въ русской Кореліи. Сѣверный климатъ, холодныя озера, гра-нитные берега совсѣмъ не располагаютъ думать о томъ, что среди нихъ водятся цѣнные жемчужины. Однако на самомъ дѣлѣ это такъ.

Раковины съ драгоценнымъ содержимымъ сидятъ сравнительно на незначительной глубинѣ. Нѣтъ никакой надобности нырять за ними, какъ это дѣлаютъ индійскіе ловцы на Цейлонѣ. Нѣтъ здѣсь и тѣхъ опасностей, которымъ подвергаются тамъ эти смѣлые ны-ральщики. Корельскіе ловцы не рискуютъ ни задохнуться, ни быть съѣденными акулой; въ корельскихъ озерахъ они могутъ встрѣ-титься развѣ только съ невинными ситами и судаками!

Ловля производится довольно примитивно. Ловецъ ложится (какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ) на небольшой плотъ и, пла-вая на немъ, шаритъ по дну особымъ шупомъ. Отыскавъ рако-вину, онъ отдираетъ ее отъ камней и извлекаетъ на свѣтъ Божій.

Не менѣе примитивно производится и отборка жемчуга и сор-тировка его.

Для крестьянъ описываемаго края ловля жемчуга составляетъ довольно серьезный отхожій промыселъ, весьма необычный у насъ, въ Россіи. Впрочемъ, жемчугъ добывается и въ другихъ мѣстно-стяхъ Россіи: въ Волынской, Ярославской, Вятской, Казанской, Симбирской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Въ 1860 году вы-возъ жемчуга изъ Россіи оцѣнивался въ 18 тысячъ рублей съ лиш-нимъ. Потомъ вывозъ, впрочемъ, сталъ падать.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не удивиться еще разъ тому, сколько богатствъ скрывается въ недрахъ нашей обширной родины, и какъ мало мы о нихъ знаемъ!

Первый японскій православный свя-щенникъ, о. П. Савабе.

(Портр. на этой стр.).

Въ Японіи съ каждымъ годомъ все растетъ и крѣпнѣетъ христіанская вѣра. Старая рели-гія—шинтоизмъ и буддизмъ (или, вѣрнѣе, пол-ное отсутствіе религіи, религіозный индиффе-рентизмъ) начинаютъ смѣняться исканіемъ ре-лигіозныхъ идеаловъ высшаго порядка.

Католицизмъ и протестанство существуютъ въ Японіи уже давно. А съ 1868 года въ «Странѣ восходящаго солнца» были положены первые начатки и православія. И въ настоящее время тамъ насчитывается уже до 30.000 православ-ныхъ. Японцы, особенно молодежь, болѣе чуткая къ требованіямъ духа, охотно переходятъ въ православіе, и среди нихъ даже образовался въ 1900 году «Кружокъ японскихъ православныхъ юношей», поставившій своей цѣлью распростра-неніе и укрѣпленіе православія въ Японіи.

Однимъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей по распространенію правосла-вія въ Японіи является отецъ Павелъ Савабе—первый японскій православный священникъ.

Это—высокозамѣчательная личность. По происхожденію самурай, т. е. дворянинъ, о. Савабе одинъ изъ первыхъ принялъ въ 1868 году св. крещеніе отъ знаменитаго русскаго миссіонера въ Япо-ніи, преосвященнаго Николая. На него выпалъ жребій стать пер-венцемъ православной вѣры въ Японіи и первымъ распростра-нителемъ православія въ своей родной странѣ. И онъ съ первыхъ же шаговъ своихъ на новомъ для себя поприщѣ всего себя отдалъ дѣлу проповѣди новой вѣры.

Идеалистъ и поклонникъ истины, добра и милосердія, о. Савабе упорно велъ трудную борьбу съ косяностью своихъ соотечествен-никовъ. Не разъ приходилось ему подвергаться гоненію и терпѣть нападки со стороны согражданъ-язычниковъ, но вѣра его не ко-лебалась, и дѣятельность не ослабѣвала.

Его неутомимой дѣятельности, вмѣстѣ съ дѣятельностью пре-освященнаго Николая, юная японская церковь обязана блестя-щими страницами своей исторіи.

Въ настоящее время о. Савабе занимаетъ видный постъ благо-чиннаго всѣхъ японскихъ православныхъ церквей и тихо дожи-ваетъ остатокъ своей трудовой жизни въ приходѣ Коодзимацкой церк-ви.

Намъ, русскимъ людямъ, слѣдуетъ знать и памятовать объ этомъ благородномъ идеалистѣ, трудящемся десятки лѣтъ во имя сбли-женія Россіи съ Японіей на почвѣ религіи. Минувшая война внесла раздоръ въ это сближеніе; но будемъ надѣяться, что прошлая распри изгладится изъ памяти обоихъ націй, и дѣятельность япон-скихъ миссіонеровъ во главѣ съ о. Савабе принесетъ новые бла-готворные плоды.

Первый японскій православный свя-щенникъ, о. Павелъ Савабе.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Министръ народнаго просвѣщенія. (Изъ записной книжки). А. Круглова. (Продолженіе). — Юный король. Оскара Уайльда. — Замѣтки. Стихотвореніе К. Фофанова. — Правительственное сообщеніе. — Балканская неразбериха. (Политическое обозрѣніе). — Добыча же-мчуга въ русской Кореліи. — Первый японскій православный священникъ, о. П. Савабе. — Объявленія. РИСУНКИ: Среди гусей. — Осень. — Сборъ каштановъ. — Античная идилия. — Маневры въ Красномъ Селѣ (4 рисунка). — Добыча жемчуга въ русской Кореліи (3 рисунка). — Убитіи свиты Его Величества генераль-майора Г. А. Мина въ Новомъ Петергофѣ, 13 августа с. г. (1 портретъ и 3 рисунка). — Погибшіе отъ взрыва на дачѣ предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина, 12 августа с. г. 1) Кн. Н. В. Шаховской. 2) Кн. П. Л. Шервашидзе. 3) С. А. Хвостовъ. — Пострадавшіе и погибшіе отъ взрыва, происшедшаго на дачѣ предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина, 12 августа с. г. — Первый японскій православный священникъ, о. Павелъ Савабе. Нѣ этому № прилагаются: 1) «Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія» за сентябрь 1906 г., 2) «ПАРИЖСкія МОДЫ» за СЕНТЯБРЬ 1906 г. съ 32 рис. и отдѣльн. листъ съ 34 черт. выкр. въ натур. велич. и 33 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе А. Ф. Маркса, Измайл. просп., № 29.

Изд. А. Ф. Маркса, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

